Виктор Тарасов-Слишин

ИСПОВЕДЬ КОЛДУНА

ЮРИЙ ВЕДУНОВ

ТРИЛОГИЯ · ТОМ ПЕРВЫЙ

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РОМАН

БИБЛИОТЕКА СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

16+

Виктор Тарасов-Слишин

Исповедь колдуна. Трилогия. Том 1

«Автор»
1996

Тарасов-Слишин В. А.

Исповедь колдуна. Трилогия. Том 1 / В. А. Тарасов-Слишин — «Автор», 1996

Может ли человеческое сознание существовать независимо от физического тела? Может ли мысленный двойник человека обрести собственную личность и самостоятельную судьбу?Оказавшись в теле погибшего шестнадцатилетнего подростка Андрея Соколова, мысленный двойник Юрия Ведунова обретает вторую жизнь, сохранив память, знания и необыкновенные способности своего создателя.Ему предстоит заново познать материнскую любовь, обрести семью, пережить радость и горечь человеческих отношений, совершенствовать искусство целительства и продолжить исследования таинственной природы психоэнергии.Но общая память и общие знания ещё не означают общей судьбы. Двум людям, некогда составлявшим единое целое, предстоит найти собственное предназначение.Повествование о безграничных возможностях человеческого разума, природе личности, созидательной силе знания и ответственности за обладание им.Роман создан на основе черновиков Тарасова Анатолия Николаевича (1939–2012).

© Тарасов-Слишин В. А., 1996
© Автор, 1996

Содержание

Глава 1 7
Глава 2 15
Глава 3 21
Глава 4 28
Конец ознакомительного фрагмента. 35

Виктор Тарасов-Слишин
Исповедь колдуна. Трилогия. Том 1

Пролог

Вот и наступил самый решительный момент в моей жизни, которого я так боялся и о котором меня предупреждала мудрая старая женщина. Именно сейчас я должен окончательно решить: Кто я? Человек и мужчина или размазня, который не способен постоять за свою семью? Как я сейчас должен поступить? Притушить свою боль и попытаться простить человека, который походя топчет все святое, что еще осталось в моей душе?

Он сейчас далеко от меня и уверен в своей полной безопасности. Не догадывается о том, что я вижу его, пусть не собственными глазами. Умен этот человек. Расчетлив. Считает, что полностью обезопасил себя от встречи со мной. Умело дал понять женщине о письме, сделавшем ее возвращение в Дудинку почти невозможным.

Он сидит на знакомой мне веранде, неторопливо прихлебывает горячий чай из фарфоровой кружки. Все учел. Все предусмотрел: и мою реакцию на письмо, и смятение узнавшей о письме женщины. Не учел только одного – не знал, что я не совсем обычный человек.

Я тоже сижу в своей, опустевшей с недавних пор, квартире и тоже пью чай, вернее просто держу в руках давно остывшую кружку. На моей кухне полумрак, задернуты двойные плотные шторы. Кухонная обстановка кажется мне призрачной. Все «забивает» изображение, посылаемое мне глазами двойника: Ярко освещенная веранда и человек за ее стеклами с кружкой в руке. Я вижу эту картину сверху, в непривычном для меня ракурсе. Вижу так, словно смотрю одним глазом в визир фотоаппарата, но удивительно четко: вижу, как шевелятся его губы, как он ласково улыбается подошедшей к нему маленькой хрупкой женщине, и вижу, как она улыбается в ответ.

– Мразь! Подлец! – шиплю я сквозь стиснутые зубы, терзаемый муками ревности. – Даже не догадываешься, подлая тварь, что ты полностью в моих руках! Стоит мне захотеть и с тобой в любой момент может произойти все самое плохое, что только смогу придумать! Могу искалечить. Убить. Могу хоть сейчас лишить тебя разума и памяти. Могу заставить совершить самый нелепый, самый дурацкий поступок.

Не делаю я этого сейчас только потому, что рядом с тобой находится женщина, которой я не желаю зла. Я подожду, когда ты останешься один и сядешь в свою машину. Только тогда я сомну твою волю и отдам сознанию короткий и четкий приказ:

– Забудь Светлану! Забудь, что ты приезжал в Смирно! Забудь навсегда!..

В старые времена таких людей, как я, считали колдунами и чародеями. Их почитали и боялись, их сжигали на кострах инквизиции, им приписывали самые немыслимые умения. Старинные предания говорят о том, что люди, подобные мне, могли превращаться в любое дикое животное, могли управлять погодой, летать, вызывать себе на помощь демонов потустороннего мира. Предания ошибались во многом. Люди, подобные мне, не превращались в зверей и птиц. Они просто умели овладевать их сознанием, могли заставить совершать необычные для зверя поступки.

Я тоже знаю, как это сделать. Знаю, как нужно читать мысли, подчинять своей воле чужое сознание, предвидеть грозящую мне опасность, лечить и еще многое другое. И еще я полностью уверен в том, что кроме всего перечисленного могу принести много хлопот и несчастий окружающим меня людям. По крайней мере, я знаю одного человека, которому я до сих пор желаю зла…

Сорок три года своей жизни я прожил совершенно обычным человеком. Не подозревал, что за моей черепной коробкой скрывается что-то необычное, аномалия мозга, которая терпеливо ждет своего часа. Раньше, когда мне приходилось слышать или читать о людях, обладаю-

щих необычными способностями: всяких там экстрасенсах, целителях, чудо-счетчиках, телепатах, я немного завидовал таким людям, вернее их способностям. Да-да, мелькала у меня такая скользкая мыслишка: не плохо бы и мне родиться экстрасенсом или телепатом.

Теперь я на собственном опыте убедился, что может чувствовать такой человек, какой это тяжелый груз, если только он не шарлатан, или не умеет владеть мысленным блоком. Ощущать «это» в себе ежечасно, ежеминутно, вздрагивать от ворвавшегося в сознание чужого, бесплотного голоса, смешавшего в хаотический клубок ваши мысли, мучаться дикими головными болями во время грозовых разрядов, постоянно глушить в себе гул сотен и тысяч таких голосов днем и ночью, принимать, не отдавая себе отчета, посылаемые чужими сознаниями зрительные образы… Что может быть ужаснее? И, главное, что хуже всего – постоянно молчать, стараться не выдать себя другим людям и особенно своим близким, потому что и то, и другое будет для всех плохо.

Представьте себе, что ваш брат или близко знакомый вам человек может запросто читать ваши мысли, а при желании, влиять на вас, что кто-то может заставить вас совершить поступок, который вы вообще не собирались делать. Ни один человек не сможет чувствовать себя уверенно, если будет знать, что рядом находится «некто», умеющий читать и направлять его мысли!

Это одна сторона проблемы. С другой стороны – вы можете поверить во все эти чудеса? Я, например, до сорока трех лет не верил. Считал, что телепатия – это что-то такое, на грани фантастики. То ли есть, то ли нет. Лично не сталкивался, а там – кто его знает… Пусть во всех таких делах ученые разбираются.

И разве мало в нашей стране людей, подобных мне, томятся в психушках, накачанные психотропными препаратами, потерявшие разум и память? Нет, лучше молчать, не перекладывать на родных и близких свои проблемы, решать самому. Как у вас это получится – другое дело.

Глава 1

Странности начались со мной летом в отпуске, когда я увез детей на материк, к своей матери, в небольшой городок под Красноярском. Через несколько дней после приезда мать загнала меня для какого-то ремонта крыши нашей «фазенды» на хлипкую лестницу. Поднявшись по лестнице, я обломил подопревшие перекладины и сверзился с самого верха. Грохнулся я здорово, врезался головой в доски завалинки и потерял сознание.

Позже мать утверждала, что переносная лестница была нормальной, а это я до безобразия отяжелел за последние годы, распустил живот и обленился до невозможности. Доля правды в словах матери была – не буду спорить. Я действительно набрал за последнее время несколько килограммов лишка. При росте метр девяносто один, я в лучшие свои годы после армии и когда занимался спортом, имел вес около девяносто восьми килограммов. Теперь далеко перевалил за сто.

Очнулся я от дикой боли, разламывающей голову и от воя ребятишек, гладивших меня по лицу.

– Папочка, не умирай! Папочка, поднимайся, не закрывай глазки!..

Я открыл глаза. Лица ребятишек плыли, казались огромными. Они стояли на коленях рядом со мной, причитали и плакали. Глаза детей были полны слез и страха. Дочка дрожащими пальчиками гладила меня по щеке. Володя стоял рядом с ней и широко раскрытыми глазами смотрел на меня. В них застыло безмерное удивление: Как это может быть, что папа, такой большой и сильный, вдруг улегся на земле и лежит беспомощной, неподвижной глыбой?

Я застонал и снова закрыл глаза. Мне было плохо. В голове стоял шум, звон, какое-то странное бормотание. Очень хотелось тишины, покоя, одиночества, чтобы наедине с собой переждать боль. Но дети теребили, не давали вновь уйти в спасительную тишину беспамятства.

– Папочка, не закрывай глазки! Вставай, миленький!

И снова плач дочки. Истерический, захлебывающийся. Я пересилил себя и с трудом сел, прислонившись к завалинке. Поднял руку, ощупал голову. Под пальцами было что-то липкое, теплое. Кровь – понял я – рассадил башку о доски. Теперь шишка обеспечена. Хоть бы сотрясения не было!

Я постарался сосредоточиться, волевым усилием приглушить терзающую меня боль. Раньше, в армии, это у меня неплохо получалось. В первый армейский год службы наш сержант научил весь взвод умению снимать болевые ощущения. Боль послушно начала уходить, отделенная от головы плотной мысленной повязкой, стянулась в маленькую раскаленную точку.

Со мной остался только странный шум, который не утихал, несмотря на все мои усилия. Теперь это был, скорее, гул, похожий на шум морского прибоя, со своими приливами и отливами. На гул накладывались многоголосые бормотания.

– Папа, с тобой все в порядке?

Я посмотрел на Юлю. Странно, ее личико, как и лицо сына, было покрыто тончайшим слоем прозрачного тумана, чистого зеленоватого цвета, и по этому туману проскальзывали призрачные красные волны. Зеленым туманом были покрыты не только лица ребятишек, но и руки, и вообще все открытые участки тела, выглядывающие из-под одежды.

– Когда это вы успели покраситься? – морщась спросил я.

Мы не красились. – удивленно ответила дочь.

Я почти не разобрал ее ответа сквозь гул, заполняющий мою голову.

– Папочка, ты жив? Значит, ты не умрешь? – спросил сын.

– Жив. – ответил я и тяжело поднялся на ноги, продолжая руками придерживать гудящую голову. – Лучше сбегайте в дом, принесите полотенце.

Дочка стремглав помчалась к дверям нашей развалюхи, которую мать, после просмотра по телевизору «Рабыни Изауры», называла только «фазендой».

– Бабушка где? – спросил я оставшегося со мной Володю.

– Она сказала, что побежала звонить… Баба очень испугалась, папа.

За скорой побежала – понял я. Взяв принесенной дочкой полотенце, я пошел к двери, ведущей в дом. Все-таки я здорово приложился к завалинке головой, потому что меня на ходу пошатывало, а перед глазами возникла прозрачная муть.

– Пойду, лягу, – сказал я ребятишкам, – А вы играйте пока здесь, во дворе. Договорились? Меня не беспокойте, ждите бабушку.

Не разуваясь, я прилег на заправленную постель и постарался расслабиться. Окна в фазенде были закрыты ставнями и поэтому в комнате было темно и прохладно. К моему удивлению шум в голове не утих, а невнятное бормотание даже усилилось.

– Марья, сходи в магазин за хлебом, – ясно различил я в этом бормотании чей-то бесплотный голос. – Купи одну булку, да не задерживайся!

– Сейчас, мама. – прорезался другой, тоже бесплотный ответ.

Этого мне только не хватало! – подумал я. – Уже голоса начали чудиться… Схожу с ума?

Я почувствовал, как меня охватывает страх. Впечатление было такое, будто я нахожусь в огромной людской толпе, где всякий толкует о чем-то своем и я слышу сразу сотни голосов, сливающихся в невнятный гул, из которого до моего сознания доходят только обрывки фраз или отдельные слова.

– Мишка, тащи ее проклятую, не…

– Деньгами нынче можно туалеты оклеива…

– Глазищи ей выцара…

Когда в комнату вошла запыхавшаяся мать, я лежал, зажав голову обеими руками, и изо всех сил старался ничего не слышать, хотя это у меня плохо получалось.

– Как ты, Юра? Обошлось? – задыхаясь спросила она. – Пыталась вызвать скорую, но ее в наше время можно дождаться только после смерти!

Появление матери помогло мне справиться с приступом страха и взять себя в руки.

– Голова немного побаливает, мама. – пробормотал я. – Скоро отлежусь, только посплю немного. Ладно?

Но уснуть в это день, ни в другие, следующие за ним дни, мне так и не удалось. Проклятый гул, грохот, смутные, полупрозрачные картины то и дело возникали в моем сознании, не давая отдыха. Сначала я был полностью уверен в том, что после ушиба стал страдать слуховыми и зрительными галлюцинациями, что это, возможно, начало душевного заболевания, но постепенно пришел к выводу, что это не совсем так.

Удар головой о доски завалинки, сильное сотрясение перетряхнуло нейроны моего мозга, заставило их соединиться каким-то другим образом, и мозг, в результате, приобрел новые возможности. Представьте себе старый, испорченный приемник, который вдруг ожил и стал принимать все радиостанции мира на одной волне. Представьте и какофонию, которая слышится из динамиков такого приемника!

Сквозь постоянный шум, плещущийся в моем сознании, я плохо слышал детские голоса, когда ребятишки разговаривали со мной в одной комнате. Когда они уходили в другую комнату, я слышал детские голоса значительно лучше. Иногда перед моим мысленным взором возникали картинки: Маленькая детская рука старательно выводит на плотной бумаге контуры странных зверей, птичек, синие деревья и так далее. Я входил в другую комнату и видел, как Юля продолжает рисовать то, что я наблюдал, сидя в другой комнате. Таким образом я постепенно понял, что у меня не галлюцинации, а нечто другое. То есть то, что принято называть словом «телепатия».

Таким вот образом я из нормального человека превратился в того, кем стал. Поймите меня правильно – я вовсе не гордился этой, вдруг проснувшейся, способностью. Скорее наоборот, я стал чувствовать себя ущербным человеком. А тут еще этот постоянный шум, не дающий возможности сосредоточиться. Вспышки яркого света, постоянно возникающие в сознании призрачные картины, накладывающиеся на то, что я вижу на самом деле.

Взбесившийся, приобретший новые свойства мозг постоянно ставил меня в неловкое положение. То я отвечал детям и матери на незаданные вопросы, путал собственные мысли с чужими, иногда вскрикивал от дикого грохота, возникающего в сознании. Самое страшное – я не мог заставить себя уснуть хотя бы на несколько минут. Невозможность заснуть в первые дни доводила меня до исступления. Спать хотелось так, что я с трудом удерживался, чтобы не разбить голову о стену. На четвертый день такой жизни я настолько измучился и отупел, что не знал толком: хочу я жить или нет.

Со слоем цветного тумана вокруг общающегося со мной человека, я разобрался быстро. На второй день после травмы понял, что этот туман и его окраска связаны каким-то образом с энергетикой организма и эмоциональным состоянием разговаривающего со мной человека. Конечно, цвета не были абсолютно чистыми. Они постоянно меняли свою интенсивность, смешивались, бежали волнами. Скоро мне стало понятно, что зеленый цвет – означает любовь и доброжелательность. Серый – равнодушие. Красный цвет означал испытываемый человеком страх и опасность. Люди честные и чистые душой всегда были для меня окрашены голубоватым ореолом необыкновенной прозрачности. Так что моя травма помогла мне приобрести способность не только чувствовать, но и видеть эмоции окружающих.

На четвертый день позвонила из Дудинки жена и я только огромным усилием воли смог сделать так, чтобы мой голос звучал как обычно и она ничего не заметила. Помогли дети, буквально выхватившие у меня из рук телефонную трубку. Наперебой они сообщали маме, как они дружно ходят с бабушкой на фазенду и помогают там кормить Дуську, поливают грядки и лакомятся первыми ягодами смородины.

В конце концов, я помирился бы с аномалиями своего нового человеко-видения, если бы не постоянный шум в голове. На шестой день я не выдержал. Выпросил у матери упаковку димедрола и разом проглотил все таблетки. Они подействовали не сразу. Сначала я почувствовал как пропадает, становится слабее, измучивший меня гул, а потом медленно погрузился в блаженное небытие…

Мать, не в пример ребятишкам, видела, что мне в последнее время приходится не сладко. Я не говорил ей о причине моих мучений, объяснял все головной болью, молчал, но внешний вид все равно говорил лучше моих слов. В первый день они привела ко мне нашего соседа по лестничной площадке – врача. К моему удивлению, спокойный толстячок, сосед Сашка, оказался врачом – травматологом. Он обнаружил у меня легкое сотрясение мозга. Совет несколько дней полежать я принял, но даже соседу не рискнул рассказать правду.

Упаковка димедрола помогла. Я проспал всю ночь и день. Проснулся только вечером. В квартире было тихо. Видно мать, жалея меня, не дала детям меня будить и, от греха подальше, ушла с ними на фазенду на целый день.

Я поднялся с постели, чувствуя себя бодрым и хорошо отдохнувшим. В широкое окно комнаты било солнце. За окном виднелась чистая голубизна неба. Я неторопливо прошел в ванную, умылся и вышел на кухню, прислушиваясь к собственным ощущениям. Шум в голове исчез. После суточного сна измученное сознание нашло способ избавиться от помех и теперь в нем царила благодатная тишина.

Выздоровел! – обрадовался я. – Слава тебе, господи! Впервые за последние дни я почувствовал зверский аппетит и стал шарить в холодильнике материны заначки. За дверью квар-

тиры послышался звук шагов, скрежет поворачивающегося в замке ключа и скрип открывающейся двери. Первой вошла дочка.

– Папочка! – закричала она, увидев меня на ногах. – Ты проснулся. Нам баба не дала тебя будить! – и она бросилась ко мне.

Пока Юля не видела меня, цвет ее лица и рук был нормальным. Но стоило ей увидеть меня, как дочкино личико покрылось нежным, с переливами, зеленым облачком. Я вздохнул. Цветоощущение осталось аномальным. Ладно. Пусть будут вокруг людей цветные облачка. Главное, исчез ужасный шум чужих мыслей в сознании. Я наклонился, поднял дочь на руки, прижал к себе. Тут же ко мне на руки запросился Володя.

– Все в порядке, маленькие! – сказал я детям. – Можете считать, что папа выздоровел!

Мать с сомнением посмотрела на меня, но мой вид успокоил ее. Тем более, что я с жадностью набросился на еду. В следующие дни я, совсем было, успокоился. Странные цветовые ощущения и светящиеся ореолы вокруг людей почти не мешали мне жить и я решил, что выпутался. Оказалось, что я ошибся. Беда пришла с другой стороны и коснулась она сына.

Случилось это примерно через неделю после того, как я избавился от шума. Мы были на фазенде и задержались там с делами до вечера. Ребятишки играли во дворе, а я сидел в сарайчике перед раскрытой дверью и насаживал топор на новое топорище.

Внезапно обстановка сарая и инструмент, который я держал в руках, исчезли. Все заслонило четкое видение огромных коровьих рогов, широченного коровьего лба в шерстяных завитушках, которые стремительно надвигались на меня. Невольно оторопев, я услышал задыхающийся шепот сына:

– Коровка, не надо. Не бодай меня… – и тут же пронзительный крик: – Па-апоч-ка!..

Я почувствовал, что лежу на асфальте улицы, что меня с каждой секундой все сильнее прижимает к нему огромный коровий лоб, как хрустят под навалившейся тяжестью ребра.

– Папочка! – прошептал сын.

И картина, заслонившая от меня действительность, стала меркнуть. Я понял сразу, что проследил, как сын открыл калитку и удрал на улицу. Выскочил из нее именно в тот момент, когда по улице возвращалось домой стадо. Здесь, на окраине Уяра, многие хозяева держали скот: коров, овец, коз. Каждый вечер стадо шло по нашей улице, и я знал, что в нем есть пара коров с дурным нравом, наверняка, на сына напала одна из них.

Когда видение стало меркнуть, отчаяние охватило меня. Я не задумывался над тем, каким образом оно вошло в мое сознание. Я просто знал, что все это происходит в действительности. Сын терял сознание, а я находился слишком далеко, чтобы успеть помочь. И тогда, не задумываясь над тем, что я делаю, я собрал в кулак всю свою силу и толкнул ею в коровий лоб!.. Позже соседка, которая видела все, что случилось с сыном, утверждала, что ее Майка отлетела от лежавшего на асфальте ребенка, как будто отброшенная в сторону нечистой силой и, замычав от боли, опрокинулась на спину.

Я же вскочил с места и помчался на улицу со всей возможной скоростью. Сын действительно лежал на асфальте улицы, а метрах в семи от него валялась на обочине светло-серая корова, которая мычала и болтала в воздухе копытами. К сыну с причитаниями спешила соседка баба Дуся, но я опередил ее. Володя лежал на асфальте бледный, с закрытыми глазами. Он был без сознания. Я подхватил сына на руки и понес его к своей калитке. На душе творилось черт-те что. Пока я нес сына, он пришел в себя и я услышал тихие всхлипывания.

Недаром говорят в народе: пришла беда – отворяй ворота! С того дна моего сынишку как подменили. Он стал на удивление тихим, робким, редко улыбался и совершенно перестал проказничать. Теперь он часами сидел в уголке и его не было слышно. Все это мне очень не нравилось, но что я мог поделать? Приглядываясь к Володе, я все чаще замечал в окутывающем его прозрачном облачке черную тень глубоко скрытого в подсознании пережитого ужаса.

На третью ночь начался кошмар, который перепугал меня окончательно. Мы, все трое, спали в маленькой комнате, выходящей окнами на восточную сторону пятиэтажки, на двух кроватях. Около двух часов ночи я проснулся от дикого крика. Кричал Вовка. Я соскочил с постели, зажег в комнате свет, поймал падающего с кровати сына. Он не узнавал меня, кричал, закатив глаза, ужем выскальзывал из моих рук. Я не мог его удержать. Сын извивался, выворачивался с неожиданной силой и визжал от преследующего его ужаса.

То, что я смог принять из его сознания, подавленного кошмаром, не поддается описанию. Какие-то желто-красные спирали, вращающиеся со все возрастающей скоростью и сопровождающий это вращение все усиливающийся ужас. Когда сын обессилел настолько, что не мог больше кричать, он на минуту пришел в себя, посмотрел на меня тусклыми глазами.

– Папа! – прошептал он слабым голосом. – Не уходи от меня. Мне страшно, папа.

И тут же провалился в сон, больше похожий на обморок. Лишь после этого я увидел рядом с собой налитые страхом глаза Юлии и встревоженное лицо матери.

– Папочка, почему Вова так страшно кричал? – спросила дочь.

– Испуг выходит, внуча. – ответила за меня бабушка. – Пойдем, Юленька, со мной. Будешь спать со мной рядышком. А папа будет спать с Володей.

Когда дети уснули, мы с матерью сошлись на кухне и решили, не откладывая дела в долгий ящик, завтра с утра идти с сыном в больницу. В больнице, как это повелось у нас в последние годы, врача-психотерапевта не оказалось. Я обратился к соседу, но и он ничем не смог помочь. Внешне сын выглядел здоровым, ни на что не жаловался и врачи ничего у Володи не обнаружили. Зато я ясно видел черную тень на личике сына. Мать успокаивала меня, говорила, что ночной приступ больше не повториться, но мне не верилось.

Приступ повторился через ночь. И опять было то же самое. Крик, стремление убежать, забиться в щель и такое же изнеможение. Приступ длился пять минут, но когда он закончился, мы оба с сыном были вымотаны до предела. Сил у меня едва хватило, чтобы уложить его в постель и самому выползти на кухню. Мать села со мной за стол.

– Врачи не помогут, Юрий. – сказала она. – Не умеют наши, уярские, лечить испуг. Думаю, красноярские – тоже. Завтра с утра похожу по соседкам. Может быть кто из них подскажет адрес бабки-знахарки… Ты, Юрий, не смейся! Испокон веку на Руси были знахари, которые лечили народ.

Мать ошибалась. Я не собирался смеяться. Всю сознательную жизнь меня воспитывали так, что я не верил в знахарство и уж тем более в колдовство. Но случившееся со мной сильно поколебало это неверие. Кроме того, речь шла о здоровье, а возможно, о жизни сына, поэтому я не мог возражать и тем более смеяться.

Утром мать ушла и вернулась только к обеду.

– Как, мама? Удалось? – спросил я ее.

– На знаю, что сказать, сынок. – ответила она. – Записала вот три адреса старушек, когда-то живших в соседних деревнях. Только никто не уверен – живы те старушки еще или нет. Заводи свою Ниву и постарайся найти хоть одну из них.

В последние дни я с тревогой ожидал звонок из Дудинки. Что я скажу Светлане, если она позвонит? Как объясню то, что произошло с сыном? Умолчать? А если Вовке станет хуже? Сорвать женщину с работы, посеять панику. Чем она сможет помочь?

Я быстро поел и последовал совету матери. Но в этот день мне не повезло. Когда я приехал в Успенку, что стоит слева от тракта, ведущего из Уяра в Заозерку, мне пришлось долго колесить по улицам, расспрашивая прохожих, где живет бабка Акулина, которая умеет лечить детей. Молодые в ответ только усмехались и пожимали плечами.

Наконец, возле универмага попалась женщина, которая на мой вопрос ответила, что знает или, вернее, знала, так как бабушка Акулина уже два года, как похоронена на местном кладбище, а больше у них в Успенке таких людей нет.

Пришлось садиться за руль и ехать в другую деревню, где жил старик, который, по слухам, умел лечить испуг. Там я узнал, что дед Кузьма еще прошлой осенью продал свой дом и уехал к сыну под Абакан. Нового адреса деда Кузьмы соседи не знали.

Расстроенный неудачей, я к вечеру вернулся домой, поставил машину в гараж и стал с тревогой ожидать ночи, решив утром съездить по третьему адресу.

Когда дети уснули, я сел возле Володиной кровати, решив не пропустить начало приступа. Видимо, я задремал, потому что не сразу заметил начало. Настроившись на эмоциональное восприятие душевного состояния сына, я провалился в темную глубину детского медленного сна. Вдруг у меня возникло странное ощущение: стали расти, медленно увеличиваться в размерах и наливаться тяжестью руки, ноги, туловище. Росли пальцы рук, кисти, становились огромными, как бревна, ноги. Правая кисть руки, лежавшая на груди, выросла так, что я стал задыхаться под ее тяжестью. Сердце медленно стучало в огромной грудной клетке, а перед глазами из мрака вдруг выросли огненные спирали и начали свое медленное, затягивающее вращение. Вращение спиралей убыстрялось, становилось стремительнее, затягивало все сильнее. Я почувствовал непонятный страх.

Очнулся я от крика сынишки, схватил худенькое, извивающееся в конвульсиях тельце и прижал к себе, изо всех сил борясь с нарастающим ужасом в сознании сына, стараясь ослабить его воздействие и успокоить. Мне удалось ослабить начало приступа и в том, что я не довел дело до конца, виновато мое неумение. Как я понимаю теперь, мне нужно было поставить между нашими сознаниями гасящий обратную связь фильтр. А так ужас захлестнул и меня, смяв волю.

В Иннокентьевку я приехал рано утром и два часа мотался по улицам. Наконец получил ответ: умерла Ефросинья Дмитриевна. Три года назад. Я метнулся в Вершино-Рыбное, потом в Ивановку, потом в Партизанское, и везде отвечали одинаково: Не знаем. Нет у нас таких.

Когда я потерял всякую надежду и клял на чем свет стоит Советскую власть и партию, выведших под корень всех людей, обладавших древним знанием, ко мне подошла женщина средних лет и посоветовала заехать в деревушку со странным названием «Ной», находящуюся всего в шести километрах в сторону от Партизанского.

Деревушка, по ее словам, представляла собой всего одну, тянущуюся вдоль дороги, улицу и заблудиться в ней было невозможно. Мне следовало отсчитать четвертый дом по правую руку от начала и спросить Катерину Ивановну.

Поблагодарив женщину и почти не надеясь на успех, я все же сделал так, как мне посоветовали. В небольшом и опрятном домике не было никого и на мой стук никто не откликнулся. Убедившись, что во дворе нет собаки, я отворил калитку, пересек маленький дворик и заглянул в огород. В огороде окучивала картошку худенькая, модно одетая девица в джинсах, легкой блузке и белой косыночке, закрывающей голову от солнца.

– Девушка! – позвал я. – Скажите, где можно найти Екатерину Ивановну?

Услышав мой голос девушка выпрямилась и повернула ко мне голову. Невольно оторопев, я смотрел на темное старческое лицо с удивительно светлыми глазами. Во мгновение ока девушка превратилась в сухонькую, стройную старушку.

– Я Екатерина Ивановна. – сказала она, потирая руками поясницу. – Какое у тебя ко мне дело, молодой человек?

Запинаясь, я изложил свою историю. Екатерина Ивановна внимательно выслушала меня и долго молчала, словно прислушиваясь к чему-то внутри себя, затем подняла на меня свои светлые глаза.

– Давно не занималась таким делом. Нынешняя молодежь не верит в бабушкины заговоры. Ты, паренек, поди тоже не веришь?

– Когда припрет, так не только в бога, а и в черта поверишь, Екатерина Ивановна! – вырвалось у меня.

Она усмехнулась.

– Вижу, паренек. Чувствую твою тревогу. Весь идешь красными сполохами. Ты вот что. Вези своего парнишку сюда. Приезжайте дня на три. Сама я никуда ехать не могу. Хозяйство.

Я согласился и как на крыльях полетел домой в Уяр, терзаясь попеременно то надеждой, то сомнениями. Сборы были недолгими и уже к пяти часам вечера мы с сыном снова были у Екатерины Ивановны. Баба Катя, как она попросила себя называть, поселила нас с сыном в чистенькой боковушке, накормила по-деревенски и после захода солнца приступила к лечению. Что это было? Я не знаю, как можно объяснить обычному человеку.

Баба Катя поставила Володю перед собой и несколько минут пристально глядела на него, шевеля губами и что-то бормоча про себя. Затем она провела руками над головой сына, не касаясь тела, сбрасывающими движениями опускала кисти рук вниз, тихонько приговаривая:

– Сильно напугался, парнишечка. Сильно… Ишь, как чернота прет – пробивает! Да не бойся, Володенька! Мое лечение боли не приносит. Баба Катя укольчиков не ставит. Все ладно будет. Сполохи…

Она говорила еще что-то, но я не понимал, что она говорит и потому постепенно перестал вслушиваться в журчащий, успокаивающий голос. Что я видел? Свет в комнате включен не был и я отчетливо различал в сгущающемся сумраке два силуэта: Володин и бабы Кати. Облачко, светящееся вокруг тела сына, было тусклым. По нему бежали темные тревожные полосы, разрастались бесформенными кляксами. Изредка пробивало красным. «Сполохи» – вспомнились мне слова бабы Кати, значит, она тоже их видит?

Вокруг Екатерины Ивановны светящееся облачко было яркого, насыщенного голубого цвета. Оно не было неподвижным. Облачко жило, мерцало, переливалось. Его пронизывали золотистые искорки. Баба Катя протянула руки и ее мерцающий ореол коснулся тусклого ореола сына, соединился с ним, вступил в сложное взаимодействие, как бы подпитывая его своей энергией. Голубые сполохи перескочили от бабы Кати на тусклое облачко сына и заставили его светиться интенсивнее. Тревожные черные полосы и пятна отступали, сокращались в размерах. Резонанс биополей или этих… как их… аур! – пытался я дать всему, происходящему на моих глазах, хоть какое-то объяснение.

В последние дни до несчастья с сыном я пытался подыскать литературу, хоть как-то объясняющую происходящее со мной. Копался в старых подшивках «Техники-Молодежи», где описывался феномен Розы Кулешовой, потом наткнулся на описание опытов Нинель Кулагиной и где ее, в конце, объявили шарлатанкой. Я рылся в читальном зале городской библиотеки, отыскивая упоминания об экстрасенсах, телепатах, колдунах и ведьмах.

После несчастья с сыном мне стало не до изысканий. Все отодвинула в сторону эта беда. Собираясь в дорогу с сыном, я не был уверен в эффективности будущего лечения. Но сейчас у меня возникла надежда на благополучный исход.

Сеанс взаимодействия биополей длился не больше пяти минут. Я думал, что все на этом закончится, но Екатерина Ивановна включила электроплитку и поставила на нее жестяную кружку с чем-то, напоминающим воск, а на стол – ковш с холодной водой.

– А это для чего? – спросил я.

– Буду сейчас испуг выливать воском. – объяснила Екатерина Ивановна.

Она взяла ковш в левую руку, кистью правой плавно стала водить над водой, что-то нашептывая. Затем она взяла жестяную кружку и, держа деревянный ковш над головой сына, стала медленно лить расплавившийся воск в воду. Губы Екатерины Ивановны при этом все время шевелились. Я слышал, что она шепчет, но понимал мало. Странные слова, напоминающие древнерусские, странное построение фраз.

– Теперь смотри, Владимир. – баба Катя показала сыну причудливо застывший в холодной воде воск. – Видишь, твой испуг в воск уходит и в нем застывает?

– Вижу, баба Катя. – серьезно отвечал сын.

Я тоже видел, как между цветовой аурой сына и ковшом с застывшим куском воска бегут, как по мосту, черные кляксы, и исчезают в воде. Господи! – волновался я. – Если бы сам этого не видел – ни за что не поверил бы! А наши эскулапы считают народных целителей шарлатанами!

– Теперь, Юрий, ложитесь спать с парнишкой. – утомленно сказала Екатерина Ивановна. – Утро вечера мудренее. И не бойся. Сегодня приступа не будет.

Я сразу поверил. На все сто процентов. Сам не знаю, почему. Уходя с Володей в боковушку, я оглянулся и отметил, как облачко голубой ауры Екатерины Ивановны вдруг быстро потускнело, золотистые искорки поднялись вверх и образовали что-то вроде небольшого обруча золотистого цвета над головой старой женщины.

– Спокойной ночи, Екатерина Ивановна! – искренне пожелал я бабе Кате.

Она не ответила, молча кивнула в ответ головой.

Уложив сына на железную кровать с никелированными шарами на спинках, я долго вглядывался в световое облачко, окутывающее его тело. Мне казалось, что оно светится ярче, чем в предыдущие дни. Черных клякс в нем стало значительно меньше.

Я примостился на кровать рядом с сыном и, хотя устал за этот суматошный день, долго не мог заснуть. Мысли перескакивали с одного на другое. Потом я вспомнил о золотистом ободке, вспыхнувшем над головой Екатерины Ивановны. Нимб – вспомнил я. – В точности такой, каким его рисовали на иконах над головами святых. Значит, в старые времена тоже были люди, способные видеть это чудо?..

Глава 2

Утром Екатерина Ивановна поднялась с трудом. Виновато улыбнулась нам с сыном и попросила сходить за соседкой, чтобы та подоила корову и управилась по хозяйству. Я сходил за соседкой, пожилой громогласной бабкой, которая едва узнав причину, осуждающе покосилась на меня:

– Ухайдакали Катерину, язви вас!

– Как это ухайдакали? – не понял я.

– Да так, парень. Думашь, легко в таком возрасте лечить робятишек? Силов-то у ней, поди-тко, совсем мало осталось, чтобы волхованием заниматься. Чай не молоденька!

– А сколько Екатерине Ивановне лет? – спросил я.

– С рождества Христова девяносто осьмой разменяла.

– Вот это да! – удивился я. – Никогда бы не дал Екатерине Ивановне больше шестидесяти… Я же не просто так! Заплачу. Я же не даром!

– А вот это, парень, ты вовсе зря! – строго сказала соседка. – Не вздумай Катерине деньги совать. Совсем обидишь.

– Как же мне тогда быть? Простите, не знаю, как вас по имени-отчеству?

– Капитолиной кличут. Бабой Капой зови. – усмехнулась соседка.

– Как же мне в таком случае быть, баба Капа?

– Это ты сам думай, парень. Но только деньги совать не вздумай.

К моему облегчению, Екатерина Ивановна поднялась часа через три и принялась хлопотать по дому. Приняв к сведению предупреждение соседки, я старался не сидеть без дела. Починил вокруг огорода забор, заменил прогнившую доску на крылечке, поправил крышу на сеновале. Соседка, баба Капа, появившаяся после обеда, одобрила мою деятельность и, поманив пальцем к себе поближе, сказала:

–

Ты, парень, лучше вот что скажи – действительно Катерине помочь хочешь?

Я молча кивнул.

– Косить можешь? – продолжала баба Капа.

– Приходилось

– Вот и напросись ей сена покосить. Велико дело сделашь. Понял? Ей в таки годы косить не под силу.

– Понял, Капитолина Егоровна! Будет сделано. Только уговор – завтра покажете, где косить, и я потихоньку начну. А где литовку взять? Нужен девятый номер и косовище по росту.

– Этому горю я тебе, парень, помогу. – сказала баба Капа. – У меня после старого коса сохранилась в целости. Значит, умеешь косить?

Вечером, после сеанса лечения, уложив сына в постель, мы втроем уселись на кухоньке, пили чай, разговаривали. Екатерина Ивановна после сеанса больше молчала, зато ее подруга оказалась хорошей собеседницей. Как-то спокойно и просто она рассказала мне историю своей жизни, которая произвела на меня тягостное впечатление. Просто не верилось, что в те далекие годы люди могли быть такими жестокими. Но судите сами:

…В начале тридцатых годов, когда у нас в Сибири началась коллективизация, муж Капитолины Егоровны считался крепким хозяином. Жили они с мужем в то время в деревне Ярцево, стоявшей на берегу небольшой таежной реки, впадающей в Ангару. Жили, как говориться, душа в душу, пока не пришла беда. Муж Екатерины Егоровны попал в список на раскулачивание. В конце весны, ночью, его арестовали и увезли в далекий Енисейск. С тех пор о своем муже Капитолина Егоровна ничего не слышала до сей поры.

Обычная для тех лет история! – подумал я. А старая женщина спокойно продолжала рассказывать.

В начале лета очередное заседание сельсоветчиков постановило: экспроприировать дом и хозяйство кулака и врага народа Брюханова К.В. Жену его выселить! Сказано, решено, записано и выполнено все это было с необыкновенной и циничной жестокостью. Молодой женщине не позволили взять с собой ничего абсолютно. Представляете? Таежная деревушка. Ни дорог, ни других поселков рядом.

В одном платьишке, с двумя детьми ушла Капитолина Егоровна в таежную глухомань, не имея при себе ни одежды, ни еды. Не зная дороги, не понимая куда идет, питаясь только ягодой, которая начала поспевать, да иногда находя под кедрами прошлогодние шишки, брела она наугад с малолетними детьми. Марине, старшей, шел в ту пору четвертый год, а младшенькому Ивану не было года.

– Господи! – не выдержал я. – Неужели у тех сельсоветчиков не было ни сердца, ни стыда, ни совести? Ведь даже фашисты на такое не были способны!

– Ванька Спирин, председатель тогдашний, был большаком, коммунистом по-теперешнему. Вернулся после германской газами травленный. Но со своей Липкой по ночам, видать, хорошо старался. Носила она ему кажен год по робятенку. А избенка у них была допереж того – развалюха. В тот год она у них совсем завалилась. Вот он нашу избу и занял. – спокойно ответила баба Капа. – Время, парень, такое было. Сурьезное.

– Ну и ну! – я только головой покачал. – Как же вам, баба Капа, в живых удалось остаться?

– Подфартило! – улыбнулась она. – Так подфартило, что по сю пору за тот фарт бога поминаю. За Кирьяна мово…

Неделю бродила Капитолина Егоровна по лесу, пока не набрела на охотничью избушку, спрятавшуюся на берегу таежного ручейка. И, конечно, осталась с детишками в избушке. Собирала ягоды, потихоньку подбирала припасы, остававшиеся в избушке. Так и прожила до конца летней поры.

Настала осень. Похолодало. По ночам пали первые осенние заморозки и молодая женщина стала постепенно приходить в отчаяние. Припасы охотника давно кончились, да и сколько было тех припасов? И вдруг однажды под вечер дверь избушки со скрипом распахнулась и вошел ее хозяин. Обмерла от страха Капитолина. Выгонит, куды пойду с робятишками?

Охотник был молод, высок. Вошел в избушку, снял понягу с плеч, посмотрел на женщину с прижавшимися к ней детьми и, не сказав ни единого слова, принялся вытаскивать из мешка продукты. Молча поев, охотник жестом пригласил к столу Капитолину с детьми, а сам лег на нары и уснул. Утром он поднялся и опять молча ушел куда-то, прихватив с собой одностволку и пустую понягу. Вернулся быстро, часа через три. Принес соли, мешочек сухарей и двух матерых глухарей…

В этом для меня не было ничего удивительного. Я знал, что осенью, перед первым снегом, глухари вылетают из таежных дебрей на речные галечники и тщательно, камешек к камешку набивают зоб мелкой галькой, готовясь к зиме.

Оставив на столе глухарей и припасы, молодой охотник ушел. Прошло время. На землю упал снег, ударили морозы. Припасы, оставленные охотником, подошли к концу. С каждым днем молодой женщине все труднее становилось добывать дрова, чтобы приготовить еду и сохранить тепло. Обмотав ноги найденным в избушке рваньем, натянув на себя не менее рваную телогрейку, Капитолина выходила наружу, чтобы нарубить дров и принести воды. Она растягивала, как могла, остатки еды, урезала свою долю и потихоньку слабела.

На пятнадцатый день к вечеру она с огромным облегчением услышала лошадиное фырканье и скрип под полозьями снега. Хозяин избушки приехал на санях с коробом набитым сеном. Все так же молча он вошел в избушку, закутал ее и ребятишек в тулупы и усадил в сани…

Рассказав мне все это, баба Капа долго молчала.

– А дальше что было, баба Капа? – не выдержал я затянувшейся паузы.

– Хозяйкой стала. В дому его, Кирьяна, значит. – тихо ответила она. – А на следующее лето, когда комсомол стал за меня Кирьяна прижимать, бросили мы с ним все, сели с робятами в лодку, да махнули в Енисейск, а оттуда сюды, в Ной…

– Дьявол с хрябта, лешай тя знат, хозяин тебя заломай! Так, кажется, ругаются в ваших краях бабы? – пробормотал я, пытаясь вспомнить ангарский говор. – А ребятишек ругают челядью.

– Точно! – подтвердила баба Капа. – Бывал, знать, в Ярцево?

– Двадцать лет назад был в Климино, Заледеево, Чадобце. В Ярцево побывать не довелось, хотя помню, что оно стоит верст сорок вверх по Чадобцу.

На рассвете следующего дня я вместе с бабой Капой ехал по заросшей травой лесной дороге в предгорья Саян и там, на лесной поляне, заросшей нашим таежным разнотравьем, начал косить. Литовка ангарского охотника Кирьяна была действительно отменной. Из хорошей стали, хорошо отбитая, она с хрустом срезала траву и укладывала слева от меня на прокосе.

Я поставил свою Ниву недалеко, сразу же за кустами. Баба Капа показала мне поляну и сразу ушла к шалашу готовить немудрящий завтрак. Я же, настроив под свой рост косу, принялся за дело. Косилось легко, в охотку. Хорошо отрегулированная коса позволяла косить широко, в полный замах, когда основную нагрузку несут мышцы туловища.

Поймав самый выгодный для себя темп, я быстро двинулся вперед, оставляя за собой трех с половиной метровую полосу скошенной травы. В этот ранний час гнуса вокруг меня не было и, когда тело разогрелось, я сбросил с себя рубаху.

Косил я так, как учил меня когда-то мой дед, Гурий Иванович, бывший, по словам матери, выдающимся косцом. До сих пор помню его кряжистую, мощную фигуру и сильные руки, в которых коса казалась невесомой игрушкой, а сам процесс косьбы шуточно легким делом. Это дед догадался взять с собой на покос восьмилетнего парнишку. И не только взять, но и заранее подготовить для мальца маленькую, прямо игрушечную косу с таким же маленьким косовищем.

– Смотри, Юрка, и учись, как косу нужно по себе настраивать. – поучал меня дед. – Ставишь косу вверх косовищем и меряешь. Ручку передвигаешь по косовищу, чтобы она встала аккурат против пупа. Где твой пуп? Ага! А теперь затянем ремешок, закрепим ручку. Потом берем шнурок и измеряем расстояние до пятки косы. Оно должно быть одинаковым как до пятки, так и до носка. Теперь закрепляем косу кольцом и хорошо забиваем клин. Запомнил?

– Запомнил, деда.

И ведь действительно запомнил! На всю жизнь. До сих пор помню своего деда сидящим за сосновой чуркой, с вбитой в нее специальной «бабкой» и сосредоточенно отбивающим лезвие косы легким молотком. Став парнем и войдя в силу, я тоже стал считаться отличным косцом. По совету матери, мы с младшим братишкой по время сенокосной поры выкашивали деляны многим одиноким старушкам. А коса, та самая, которой я косил в детстве, до сих пор хранится у матери. Недавно я нашел ее в сарае и опять удивился размерам. Она была всего около сорока сантиметров длиной от пятки до носка. Каким же я тогда был маленьким! И спасибо тебе, деда Гурий, что научил косить, отбивать косу и настраивать!

Косил я не традиционными прямыми прокосами, когда косец, пройдя до конца прокоса, поправляет бруском лезвие и медленно возвращается назад, отдыхая по пути. Я был один и потому косил вкруговую, останавливаясь только для того, чтобы поправить лезвие. Когда баба Капа пришла звать меня перекусить, добрая треть поляны была уже выкошена.

– А ты парень – косарь! – ахнула она. – Косарь, каких сейчас мало. Деревенский, что ль?

– Нет, баба Капа. Поселковый. Косить дед научил, когда мне восьми лет не было. Парнем много приходилось косить. Теперь редко приходится. Живу на севере, а у матери квартира городская, в пятиэтажке. Коровы нет.

Баба Капа вдруг неожиданно всхлипнула.

– Кирьян мой вот так же, любил косить вкруговую!

К шести часам вечера мы вернулись в Ной. Екатерина Ивановна встретила нас тревожным взглядом.

– Что-то вы рано вернулись. Не случилось чего?

Капитолина Егоровна не спеша выбралась из машины.

– Ничего, Катя, не случилось. Просто этот молодец всю нашу с тобой поляну враз убрал, ровно трахтор! – она достала из кабины сумку с припасами. – В кои-то веки, как начальство, в легковухе проехалась! А теперь, подруга, гулять будем. Твою наливку пробовать. Только допереж, Катерина, слетай к Ваське-бригадиру. По всему видать, завтрева вёдро будет. Договорись с им, чтобы нас завтрева на покос оттартал. Грести будем.

– Зачем бригадира просить? Я отвезу. – предложил я.

– Дак седни последний день. – напомнила баба Капа. – Лечение кончается. Уедешь.

– Уеду. – подтвердил я. – Утром отвезу Вовку в Уяр и вернусь. Как будто до Ноя дальний свет. Кстати, а где мой отпрыск?

Екатерина Ивановна махнула рукой в сторону огорода.

– В грядках копается. Ладно, работнички, идем в хату. Буду вас, коль такое дело, наливкой потчевать!

Лечение Екатерины Ивановны помогло. Я видел в начале третьего сеанса, как последние намеки на черноту исчезли из светового ореола сына. И сама аура теперь не выглядела тусклой. Она переливалась нежными зелено-голубыми волнами.

– Вот, Володичка, закончилось твое лечение. Сполохи у тебя теперь здоровые, чистые.

– Я не буду больше бояться и плакать по ночам? – спросил сын.

– Конечно, паренек! Не будут сниться плохие сны, значит и бояться нечего.

– А что такое сполохи, баба Катя? – продолжал интересоваться сын.

– Сполохи, Володя, это такой ореол световой, обволакивающий наши тела и головы, только его редко кто видит. По телевизору этот ореол теперь не сполохами, а аурой называют. Да ты иди спать, сынок. Вижу, глаза кулачками трешь. Ступай…

Большое счастье видеть, что ваш ребенок здоров и весел! В первое время и я и бабушка, и Юля старались относиться к Вовке с подчеркнутой предупредительностью. Пользуясь поблажками, сын быстро обнаглел и был на следующий день наказан старшей сестричкой, у которой терпение оказалось самым коротким. Ребятишки мои подрались и я окончательно поверил, что с сыном все будет в порядке.

Оставив ребят на попечение бабушки, я поехал, как и обещал, в Ной. Помог пожилым женщинам сгрести часть высохших валков и договорился приехать на следующий день всем семейством.

На другой день мы приехали в Ной вчетвером и взяли ребятишек на покос. Было много визга и восторгов. Дети носились по поляне, лезли под руку. Потом они занялись костром и едва не спалили шалаш. Мать удивительно быстро нашла общий язык с обеими старушками и все трое вдруг разом принялись поучать меня, как нужно правильно вершить зарод. Пришлось бросить вилы и поклясться, что не возьму в руки четырехрогое оружие труда до тех пор, пока командная троица не завяжет рты специальными повязками.

Уехали мы в Уяр поздно вечером, нагруженные трехлитровыми банками сметаны. Мои протесты троица шумно проигнорировала. Я ездил в Ной еще много раз. И один, и с семейством. Договорился с бригадиром Василием Степановичем, тайком заплатил деньги, и вывез сто пятьдесят первым ЗИЛком два машинных воза сена.

Жизнь вошла в спокойное русло. Дни бежали, как пришпоренные. После середины июля на огороде поспела виктория, пошла малина, смородина. Ребятишки целыми днями пропадали на фазенде, лакомились, загорали, кормили с бабушкой поросенка. В последнее время оба пристрастились строить из дров кораблики, изведя на строительство эскадр почти весь запас гвоздей. По убедительным просьбам кораблестроителей мне приходилось бросать работу и вытесывать корабельные носы и палубы, выстрагивать и ставить мачты.

А началось это увлечение с единственного маленького кораблика, который я легкомысленно вытесал из полена и передал под командование капитана Володи. Затем мы поехали в Громадск купаться на речку Рыбную и попутно провести ходовые испытания парусного крейсера. Дети купались на мелководье, запускали кораблик, расправляли паруса и ждали ветра. Когда они накупались и наигрались вдосталь, забыли его на берегу.

Какое было горе, когда мы вернулись домой и там обнаружили пропажу кораблика! Пришлось срочно гнать машину обратно в Громадск, но кораблика на берегу речки уже не было. В утешение мореплавателям пришлось срочно сочинить и рассказать ребятишкам историю о плавании нашего кораблика по сибирским рекам в Енисей, а затем по Енисею заставить приплыть кораблик в Дудинку с огромным приветом для мамы.

Сказка про кораблик и его приключения так понравилась ребятишкам, что они каждый вечер требовали ее продолжения. Приходилось подхлестывать воображение и разнообразить приключения кораблика в океанах планеты.

Я постепенно привык к своему видению человеческой ауры. Она была хорошо видна ночью и в сумерках, хуже при электрическом свете и почти незаметна на улице днем, при свете солнца. Потом я стал замечать, что могу видеть не только саму ауру, но и ее малозаметные следы, остающиеся в пространстве после того, как человек ушел с этого места. Постепенно, научившись концентрировать свое внимание, я стал различать следы человеческой ауры через несколько дней. Внешне мое видение выглядело как вид ночной улицы, снятой при помощи фотоаппарата с очень большой выдержкой.

Помните снимки, которые иногда помещали в журналах? Улица. Дома. И сложное переплетение светящихся линий, оставленное на пленке фарами проезжавших по улице автомашин. Для меня следы чужих аур выглядели переплетением слабо светящихся прозрачных труб, имеющих в сечении контуры фигуры оставившего след человека.

Призрачные контуры фигур были строго индивидуальны. Иногда я с иронией ловил себя на мысли, что подобное умение различать следы чужих аур пригодилось бы человеку, имеющему профессию следователя. Ему не нужны будут услуги лабораторий криминалистики и розыскные собаки. Он сможет зафиксировать в памяти след ауры преступника и через несколько суток обнаружить его, куда бы тот не спрятался, спасаясь от правосудия. Единственная трудность для такого следователя заключалась бы в невозможности объяснить коллегам, как он это проделывает.

Меня не привлекала карьера интеллектуальной собаки. Семья, дети, работа полевого геодезиста – вот моя колея, которая мне нравится, и которую я буду продолжать, пока есть силы и здоровье.

Под утро юго-западный ветер принес с собой непогоду. Сначала небо, остававшееся ясным больше двух недель, покрылось тучами, с западного направления вдруг рванул сильный ветер, зашумел листьями под окном, застучал в стену пятиэтажки ветками растущего рядом с домом тополя. Стук веток заставил меня проснуться на несколько секунд и в ленивой полудреме оценить по многолетней привычке погоду. Отметив про себя, что поднявшийся ветер может означать приход грозы, я поправил легкое одеяло на разметавшемся во сне Володе, пододвинул ближе к стене спавшую со мной Юлю и снова уснул.

Через несколько минут я был безжалостно разбужен ярчайшей световой вспышкой, больно ударившей по глазам. Я подскочил и сел на постели, пытаясь сообразить – что случилось. Перед глазами, постепенно бледнея, плавали разноцветные пятна. В комнате было тихо, ребятишки продолжали спать. Откуда вспышка? – не мог понять я. – Может быть короткое замыкание? Ничего путного не придумав, я поднялся и пошел на кухню.

Новая световая вспышка настигла меня в коридоре. Зигзагообразная, раскаленная до бела, линия заплясала перед глазами. Затылок пронзила острая боль. Чертовщина какая-то! Я прижал раскалывающийся от боли затылок рукой и, почти ничего не различая за световыми зигзагами, ощупью пробрался на кухню.

Что происходит? Откуда берутся вспышки и головная боль? – билась в сознании паническая мысль. – Новый сюрприз мозга? – я услышал за окном далекое рокотание грома. – Гроза? Ну конечно – гроза! – понял я.

Вновь световая вспышка и всплеск боли в затылке. Далекий раскат грома пришел секунды через четыре. Молнии рвали небо все ближе и ближе к Уяру и нашему дому. Вместе с приближением грозы все больше нарастала интенсивность вспышек в моем сознании и становилась нестерпимой боль.

Вспомнив о когда-то прочитанном способе избавляться от чужого воздействия и почти не надеясь на удачу, я стал мысленно бинтовать голову плотным слоем стальной ленты. Фантастический способ защиты подействовал. Световые вспышки потускнели и быстро сошли на нет, вместе с ними ушла головная боль. Несмотря на то, что гроза успела порядком вымотать нервы, я был доволен. Очередной сюрприз приобретенных с травмой странностей, я отбил. Кроме того – нашел действенный способ защиты, который наверняка пригодится на будущее.

Глава 3

Утром я ушел с бабушкой и детьми на дачу, протяпал по картошке вновь начавшие поднимать головы сорняки, а после полудня отправился в город. В районной библиотеке, находящейся в здании Дома Культуры, я обратился за помощью к маленькой пожилой женщине, в огромных, на пол-лица, очках. Та выслушала меня с откровенным недоверием, пока я мямлил что-то о своем желании побольше узнать об экстрасенсах и методах нетрадиционного лечения. Но, стоило мне рассказать историю с сыном, а так же ее благополучный конец, как библиотекарша преобразилась.

В библиотеке не было нужных книг, но женщина попросила меня подождать и исчезла на полчаса. Вернувшись, она подала мне пачку тонких брошюр и кипу вырезок из газет различных издательств. Так что домой я отправился с сумкой, как я раньше считал, макулатуры.

Вырезок из газет мне хватило до вечера. В статьях описывались феномены Джуны, болгарской ясновидицы Ванги и многих других людей, обладающих паранормальными способностями. Читать было трудно. Приходилось постоянно преодолевать свое внутреннее сопротивление прочитанному. То, что я раньше отметал прочь как несущественное, к сожалению, теперь гнездилось где-то в моей голове.

Поздним вечером я перешел на тонкие брошюрки и стал тонуть в непривычной терминологии: астрология, спиритизм, демонология, алхимия, хиромантия, физиогномика, френология, гомеопатия. Мне понадобилась целая ночь, чтобы понять – слово «тауматургия» означает не что иное, как волшебство или наука о волшебстве. Оккультизм – теория волшебства, а магия – практика. Были еще такие понятия, как астральное тело, астральный двойник, кабалистика (не имеет ли это слово отношение к святыне мусульман – Каабе?).

Добытый мною у соседа энциклопедический словарь не смог расшифровать и половины встречающихся в текстах слов и терминов. Главное заключалось в том, что во многое я просто не мог поверить. Единого бога и божественное начало я отмел сразу. Возможность общения с демонами потустороннего мира (в том числе сатану с его чертями и адом) – тоже. Не мог я признать идею потустороннего мира (кстати, что он такое и что подразумевается под этим термином?) и идею человеческой души, не умирающей после смерти. И тем более не смог поверить в возможность общения с душами давно умерших людей.

Единственное, что мне удалось уяснить после ночного бдения, так это то, что мои странности относятся к категории сверхчувственного восприятия окружающего мира или колдовства. Современные колдуны и ведьмы скромно именовали себя экстрасенсами, стараясь не употреблять компрометирующих себя старых названий.

Наверное, я так бы и продолжал жить со своими неожиданно приобретенными странностями, считал бы себя в чем-то ущербным человеком, если бы жизнь не поднесла очередной сюрприз, после которого о моих странностях узнала мать.

Моя мать во многих отношениях была странным человеком. Если она, например, садилась утром шить себе или соседке платье, то обязательно старалась закончить платье к вечеру. Берясь за какую-нибудь работу, она не разгибала спины до тех пор, пока работа не будет сделана. Она не умела отдыхать и работала, как бы плохо ей не было.

В этот день она с раннего утра полола грядки, и делала это не разгибая спины. Расплата наступила под вечер. Я только что успел приехать из Ноя, куда отвозил сшитое матерью платье для Капитолины Егоровны, и поставить машину возле дачи, как из калитки выбежала испуганная дочка.

–Папа! – закричала она. – Ой! Папочка, скорей! Бабушке плохо!

Мать сидела по дворе, тяжело привалясь к стенке сарая. Я подскочил к матери и наклонился, чтобы взять ее на руки. Лицо мамы было серым, губы закушены от боли, аура сплошь подернута красными сполохами.

–

Что с вами, мама?

–

Не шевели меня, Юра. Сердце давит, – прошептала мать. – Может, так отсижусь и пройдет.

Она попыталась улыбнуться, чтобы успокоить меня. Потом ее голова опустилась на грудь и она боком стала оседать возле стены. Из груди матери вырвалось сдавленное хрипение, в котором я едва разобрал: – Сы-но-о-ок!

Я схватил мать в охапку, бегом поднялся на крылечко и положил ее на кровать в комнате нашей развалюхи. Попытался нащупать пульс, но его не было. Это напугало меня больше всего. Мать хрипела, лицо на глазах стало принимать синюшный оттенок, глаза закатились.

Мать уходила – я знал это точно. Уходила в мир, из которого нет возврата и в который я не верил. Страшно видеть, как уходит в небытие самый дорогой для тебя человек, а ты не можешь ничем помочь. И вдруг мое отчаяние и желание спасти жизнь матери любой ценой переродились во что-то новое.

Я застыл. Окружающий мир потускнел и перестал существовать. Остались только я и мать. Уже зная, как нужно поступать, я протянул руки к телу матери и не удивился, когда мои пальцы стали полупрозрачными, засветились странным голубым пламенем. Пламя коснулось исчезающей ауры матери, окутало ее тело голубым сиянием. Потом я закрыл глаза, но, странное дело, продолжал видеть мать новым зрением.

Я видел изношенное, работающее в длительными остановками, сердце, чувствовал угасающее сознание и ловил последние, тоже угасающие, мысли. Осторожно, едва касаясь, я стал подталкивать усталое сердце, мысленно подсоединив к нему свое в качестве донора. Я убирал сгустки крови из коронарных артерий, заставлял раствориться и исчезнуть известковый налет в артериях и гнал в тело матери свою энергию. Я будил угасающий мозг, массировал энергетическими волнами весь организм и его изношенные органы. Странно удлинившиеся пальцы нежно массировали оживающее сердце, устраняли наросты в кровеносных сосудах, восстанавливали эластичность стенок. Мое новое «Я» действовало в сотнях, а может быть миллионах мест, рассеянных по всему телу. Каким образом это у меня получалось- я не знал. Я был одновременно самим собой и другим, погруженным в тело матери, и работал с полной уверенностью в успехе.

Внезапно передо мной вновь возник окружающий мир. Я обнаружил, что стою на коленях возле кровати, а мать спит. Спит спокойно, как будто просто прилегла отдохнуть и уснула. Синюшный цвет кожи исчез, пульс был нормальным.

Мать спала спокойным глубоким сном, зато я чувствовал себя так, как будто сутки ворочал бревна без отдыха. Будь я один, тут же упал на вторую кровать, но рядом со мной стояли испуганные ребятишки, о которых я совсем забыл.

–

Баба больше не будет болеть? Она спит, да, папа? – спросил меня сын.

Я ответил утвердительно, но дети продолжали глядеть на меня удивленными глазами.

–

А почему ты так долго молчал и только светился весь, как елочка?

–

Какая еще елочка? – не понял я.

–

Как елочка в Новый Год, баба тоже светилась.

–

Вы оба светились с бабой. – уточнила дочь. – А еще по тебе бегали золотые искорки и из пальцев летело голубое пламя и окутывало бабушку!

Пришлось забыть о своей усталости. Пока дети делились со мной своими впечатлениями, я пытался сообразить, что мне теперь делать. Стоит узнать о свечении соседям и маме, тут такое начнется, что жить не захочешь! Вопросы и допросы, намеки разные. Но врать ребятишкам и того хуже.

–

Видите ли, цыплятки, бабушка была больна и мне нужно было ее лечить. – осторожно начал я. – Пришлось лечить светом, потому что бабушке было очень плохо.

–

Мама нас всегда лечила таблетками, когда мы с Вовой болели, а не светом. – резонно возразила дочка. – Разве можно лечить светом?

–

Иногда можно. Только, цыплята, об этом никому не нужно рассказывать.

–

Почему? – раздалось дружным хором.

Что тут скажешь? Я постарался отвлечь внимание ребятишек от щекотливых обстоятельств, но неудачно. Дети были слишком настойчивы. Пришлось прикрикнуть, чтобы они не болтали и сидели тихо, пока баба спит. А еще лучше, чтобы они шли играть во двор.

Я надеялся, что ребятишки забудут о светящихся пальцах и прочей чепухе, пока мать спит, но ничего не вышло. Когда бабушка проснулась и вышла во двор, дети сразу выложили ей все подробности.

–

Не слушай болтунишек, мама! – взмолился я. – Просто вам стало плохо и я унес вас на кровать. Вот и все!

Ребятишки бурно протестовали. Мать смотрела на меня недоверчиво и стала задавать неприятные вопросы. Оказалось, что она тоже смогла многое запомнить. Я сдался и рассказал правду. Сознавшись в одном, пришлось вечером рассказать правду обо всем, начиная с ушиба головы при падении с лестницы.

Я взял слово с матери, что она будет молчать, но опять не учел особенность женской натуры. В первую нашу поездку в Ной мать рассказала все Екатерине Ивановне. Когда я вечером ненадолго задержался у бабы Кати и вернулся обратно, сразу почувствовал повисшую в маленькой кухоньке Екатерины Ивановны напряженность. Я посмотрел матери в глаза, и все стало ясно.

–

Рассказала-таки! – с досадой вырвалось у меня.

–

Не жалей об этом, Юра, и не сердись. – вместо матери ответила мне Екатерина Ивановна. – В данном случае твоя мать поступила, я думаю, правильно. Я уже подозревала, что ты обладаешь магическим даром.

–

Никаким даром я не обладаю. – хмуро ответил я. – Просто с недавних пор со мною какая-то чертовщина творится! Тут мать права.

–

Именно это я имею в виду. Странности, о которых мне рассказала Розалия Адамовна. – спокойно продолжала Екатерина Ивановна. – Ты вот что, Юрий. Завтра приезжай ко мне один, есть у меня для тебя дело. Договорились?

–

Договорились, Екатерина Ивановна. – вздохнул я.

По дороге домой я не смог сдержать своего раздражения и бурчал всю дорогу. Мать, к моему удивлению, упорно отмалчивалась, что было для нее очень необычно.

Светлана звонила из Дудинки часто. В голосе жены я легко различал тоску и тревогу. Она торопливо сообщала мне новости и тут же просила дать трубку детям. Светлана была готова слушать ребячий лепет часами, хотя телефонные разговоры, длящиеся столько времени, влетали в копеечку. Я хорошо понимал жену, первый раз в жизни надолго расставшуюся с ребятишками.

Светлана не любила писать письма, старалась заменить их телефонными разговорами. Зато дети постоянно рисовали для мамы немудрящие картинки каждый день, а потом приставали ко мне, просили запечатать в конверт и отослать маме. Ради мамы у них хватало терпения старательно перерисовывать на лист в клеточку, написанные мною печатным шрифтом простые фразы: «Здравствуй, мама! Я, Вова (или Юля). Мы очень тебя любим!». Отправив первые письма, ребятишки стали ждать маминого ответа и постоянно донимали меня вопросом: почему от мамы нет писем?

Пришлось на очередных телефонных разговорах разъяснить Светлане ситуацию и пригрозить, что до получения ответов больше ей ни писать, ни посылать рисунки не будем. Странное дело, но в Уяре дети стали относиться ко мне гораздо лучше, чем в Дудинке. Там Вовка был маминым сынком. Таскался за Светланой хвостиком, помогал мыть посуду, лепить пельмени. Мешал всячески. У Светланы хватало терпения сносить его капризы и выходки. У нее он искал спасения, когда от меня грозило справедливое наказание.

Юля – наоборот, была папиной дочкой. Когда я был в Дудинке, она храбро отрывала меня от взрослых дел. Настойчиво требовала к себе внимания – помочь отремонтировать кукольный диванчик, правильно нарисовать зайчика, разобраться с несправедливыми претензиями настырного Вовки, забравшего ее любимую игрушку, прочитать перед обедом сказку.

В первые дни после приезда в Уяр Вовка часто вспоминал маму, отчаянно скучал, постоянно требовал слетать с ним в Дудинку «хоть на минуточку!». Через две недели сын стал вспоминать о маме значительно реже.

С дочкой получилось наоборот. Чем больше проходило времени, тем чаще она вспоминала о маме. Однажды я проснулся ночью от тихих всхлипываний. Мгновенно поднялся, провел рукой по мокрой от слез щечке.

– Что с тобой, цыпленочек?

– По маме соскучилась! – всхлипнула она. – Папа. Давай полетим в Дудинку? Хоть на часочек. Посмотрим на маму и вернемся. Ладно?

Ну вот. Сначала Вовка, теперь дочка. – подумалось мне. – Видно, ласки детям не хватает. Женской ласки.

– А бабушка как же? Она тоже плакать будет без нас. Ждала внучат целый год, а они опять улетают. Кто ей поможет кормить Дуську, копать картошку, полоть грядки? Чтобы слетать в Дудинку, знаешь, сколько денег нужно?

Долго я уговаривал дочь. Говорил о том, что здесь, в Уяре, на огородных харчах и свежем воздухе они станут такими здоровыми, что зимой никакая простуда не возьмет. Что в Дудинке плохая погода, идут дожди, что они опять будут ходить по улицам в пальтишках и комбинезонах. Не знаю, уговорил или нет, но дочь уснула.

Я собрался в Ной после обеда. Помешала страховщица, огромная, бесцеремонная баба, заявившаяся прямо домой. Предложила застраховать на очередной срок автомашину. Сумма, которую она назвала, была такой огромной, что у меня глаза полезли на лоб. Я прикинул свои финансовые возможности и решил не страховать Ниву на полную сумму. Но страховщица ухитрилась повернуть дело так, что я опомнился только тогда, когда уплатил ей полную

сумму. Недовольный собой и результатами визита страхового агента, я приехал в Ной, поставил машину возле ограды и вошел во двор.

Екатерина Ивановна сидела за чистым столом в кухне и поджидала меня.

– Садись. – она указала мне на стул. – Есть хочешь?

– Нет. Полчаса назад поел.

– Когда вы вчера уехали с Адамовной, я долго думала над ее сообщением. Очевидно, у тебя сильный природный дар. Нужно с ним обращаться осторожно, Юрий.

– Обращаться осторожно? – расхохотался я. – Что вы такое говорите, Екатерина Ивановна! Это он ведет себя со мной, как варвар. Иногда такой фортель выкидывает, что лучше бы его совсем не было!

Екатерина Ивановна осуждающе покачала головой.

– Ты пойми, Юрий. Твой дар сейчас, как только что народившийся младенец – лежит в люльке, сучит ножками и пачкает пеленки. Понадобится много времени, пока вы привыкнете друг к другу, а ты научишься сдерживать его, управлять… Адамовна вчера рассказала слишком коротко. Можешь рассказать обо всем подробнее?

Направляемый наводящими вопросами, я рассказал Екатерине Ивановне все, что со мной произошло с самого начала.

– На один миг я ощутил себя в теле сына, Екатерина Ивановна. – подытожил я. – И своей силой оттолкнул корову. Соседка потом рассказывала, что из асфальта высунулись две огромные руки и отбросили ее Майку метров на пять от сына.

– Корова осталась целой?

– Ничего ей не сделалось. После того случая она стала обходить меня и сына десятой дорогой.

Я подробно рассказал свои переживания во время грозы и похвастался способом защиты, который применил.

– Проще было мысленно одеть на голову шлем или сетку из холодного железа. – улыбнулась Екатерина Ивановна.

– Значит и с вами такое случалось?

– Было, Юрий. Давно и не с такой силой. У тебя неплохо получается. Быстро учишься управлению даром.

– Откуда он у меня взялся, Екатерина Ивановна? – спросил я.

– Дар был в тебе от рождения. Спал и проснулся от потрясения. Видно в роду у тебя были предки с такими способностями. Фамилия о том говорит.

Старая женщина посмотрела на меня со странным выражением лица и вздохнула.

– Тяжко тебе жить будет с даром. Хлопотно. Не раз пожалеешь о том, что он в тебе есть. Временами проклинать его будешь. Знаю по собственному опыту. Хорониться тебе нужно, Юрий. Прятать дар. Стараться никому не открывать без нужды, что владеешь мысленной речью и читаешь чужие мысли. Не читай мысли близких тебе людей, а особенно своей супруги. Запрети себе, как бы этого не хотелось. Узнает – не сможет с тобой жить… А на мать я наложила малые чары. Никому не сможет рассказать. Забудет.

– Способность читать чужие мысли уже пропала! – запротестовал я. – Нет теперь во мне грохота чужих мыслей. И слава богу, что нет!

– Эх, парень! – усмехнулась моей горячности Екатерина Ивановна. – Что богом дано – не спрячешь, все равно вылезет наружу. А теперь я должна испытать силу твоего дара, Юрий.

– Как это – испытать?

– Сейчас поймешь. – опять усмехнулась Екатерина Ивановна.

Она неторопливо поднялась и вышла в горницу. Я терпеливо ждал. Екатерина Ивановна вернулась из горницы с увесистым полотняным свертком в руках, бережно положила его на чистый кухонный стол. Развернула. Я увидел огромную старинную книгу с медными шарни-

рами, медными уголками переплета и медной застежкой в виде хитро изготовленного замочка. Переплет, или, вернее, нижняя и верхняя доски толстенной книги были обтянуты черной кожей, на которой золотыми мерцающими буквами старинной вязью было вытеснено: КНИГА ВЕЛЕСОВА.

– Что ты видишь перед собой на столе? – спросила Екатерина Ивановна.

– То есть как это, что я вижу? – удивленно посмотрел я на Екатерину Ивановну.

–Я спрашиваю – что ты видишь перед собой? – уже строго спросила она.

– Книгу вижу. Старинную. Называется Книга Велесова.

– Ну и слава богу! – облегченно вздохнула Екатерина Ивановна. – Капитолина, например, всегда видит только холстину. Нет у нее дара. А больше я книгу никому в последние годы не показывала.

Я осторожно протянул руку и коснулся черной кожи, обтягивающей верхнюю доску с идущим по периметру растительным орнаментом.

– Почему ее не видит баба Капа? – удивленно спросил я.

– Это не простая книга, Юрий. – медленно ответила Екатерина Ивановна. – Не знаю, поймешь ли ты сейчас то, что я скажу. Можешь поверить на слово, что таких книг, возможно, в мире больше не осталось. Ее нельзя украсть или купить. Можно только дарить с чистым помыслом. Люди, не имеющие дара, книгу не замечают… Теперь смотри внимательно.

Она прошептала что-то и провела кистью правой руки возле медного замочка – защелки. Замочек открылся с мелодичным звоном. Черная верхняя крышка откинулась в сторону и я увидел, как плотные листы пергамента стали сами собой быстро ложиться влево, как будто листы перелистывала невидимая рука. При этом от страниц и от досок исходило голубое мерцание.

– Тридцать третий лист практического раздела. – тихо сказала Екатерина Ивановна. – На один лист меньше, чем в прошлом году. – она глубоко вздохнула. – Прошли, видно, мои лучшие годы, Юрий.

– Ничего не понимаю, Екатерина Ивановна! – признался я. – Вы к книге не прикасались. Кто ее листал?

– Дар. – коротко ответила она. – Ее листал мой дар. При испытании в книге переворачивается столько листов, сколько может осилить и изучить человек, обладающий даром.

Екатерина Ивановна неторопливо захлопнула верхнюю крышку и предложила:

– Протяни руку и попробуй мысленно открыть книгу. Напряги волю.

Я послушно протянул руку к книге. К моему удивлению, замочек тут же открылся и верхняя доска отскочила в сторону. Пергаментные листы книги замелькали с такой скоростью, что почувствовался на щеке поднятый ими ветерок. Чем ближе оставалось до конца книги, тем медленнее переворачивались пергаментные листы. Но они не остановились до тех пор, пока на верхнюю доску не лег последний лист, а за ним не поднялась нижняя доска и не захлопнулась на защелку. Екатерина Ивановна ахнула.

– За свою жизнь впервые вижу, как книга перелисталась до конца! – вырвалось у нее. – У тебя могучий дар, Юрий!

Представьте себе такую картину: сидят за столом в деревянном домике два человека – очень старая женщина и мужчина средних лет. Перед ними на кухонном столе лежит старинная книга с медной окантовкой и медными шарнирами с замочком. Мужчина и женщина на полном серьезе обсуждают необычные, мягко выражаясь, свойства книги.

По словам Екатерины Ивановны, книга была написана около тысячи лет назад безымянным автором, который тщательно изучил искусство европейских друидов и славянских волхвов. После написания, книга была освящена в знаменитом славянском храме острова Ругна. Затем самый могучий волхв славянских земель тогдашнего времени наложил на книгу заклятие невидимости, искупал листы в пламени холма эльфов, чтобы книгу нельзя было уничто-

жить обычными способами. Каким образом заклятье придает книге волшебные свойства, Екатерина Ивановна не смогла мне объяснить.

Зато я с первого раза усвоил все необходимое для использования дара при направленной телепатии. Оказалось, для этого нужно было сосредоточиться, совместить направление посылаемого волевого импульса с лучом зрения и мысленно передавать нужный текст или «картинку». Екатерина Ивановна, к моему разочарованию, не умела пользоваться телепатией другим способом. Для дальней мыслесвязи этот способ не был пригоден.

Первая проба телепатической связи с Екатериной Ивановной оказалась не слишком удачной. Я перестарался и послал слишком сильный импульс. Она вскрикнула и откинулась на спинку стула, как будто ее ударило.

– Не так сильно, оглашенный! – сказала Екатерина Ивановна, сжима голову обеими руками. – Потихоньку нужно мысль посылать. Не за сто верст сидишь.

– Извините, Екатерина Ивановна!

– Чего уж там! – усмехнулась она. – Права Велесова книга, когда раскрылась до последней страницы. Ты, парень, настоящий ведун. Посильнее знахаря или колдуна.

– Свою фамилию я с детства помню. Знаю, что ведун – это от слова ведать, знать. Ведьма, ведун, ведовство. Все дело в том, что знаю я пока совсем мало. Почти ничего.

Екатерина Ивановна стала рассказывать о делении людей, владеющих искусством магии, на условные и достаточно размытые категории в зависимости от природной силы дара. Потом она стала говорить о том, что в настоящий момент волновало ее больше.

Без натяжки это можно было назвать лекцией по технике безопасности и о правилах поведения человека, обладающего даром, в общении с другими. То, что я от нее услышал, навеяло на меня тоску. Многие положения кодекса колдунов показались мне сплошной перестраховкой. Не убий. Не укради. Не прелюбодействуй. Усмири гордыню. А главное – не навреди людям, не причини своими действиями зла окружающим.

– Екатерина Ивановна! – стал протестовать я. – Ведь это хуже всего, что можно придумать для человека. То, что вы сказали – самая настоящая добровольная тюрьма!

– А как ты думал, парень? Большие возможности накладывают большие ограничения. Направишь дар на совершение зла, покалечишь судьбы многих людей. С таким даром, как твой, нужно быть предельно осторожным.

Не перебивая доводы старой женщины я с грустью думал, что все ее благие пожелания невозможно выполнить на практике. Бездействие не свойственно человеческой натуре. В окружающей жизни много несправедливости, жестокости и болезней. Смогу ли я безучастно наблюдать, как рядом со мной подонки убивают человека? В нашей жизни слишком тесно переплетено многое, чтобы суметь рассчитать последствия вмешательства в чужую жизнь.

Екатерина Ивановна привела наглядный пример с камнем, брошенным в пруд, и расходящимися от него кругами. Я не выдержал:

– Каждое действие обычного человека тоже сопровождается изменениями окружающей действительности. Мы все, живущие на планете Земля, своими делами постепенно изменяем собственное будущее, Екатерина Ивановна!

Глава 4

Мне пришлось бывать в Ное много раз. Я приезжал один и всем колхозом. Когда все укладывались спать, мы с Екатериной Ивановной садились за кухонный стол, разбирали ее записи в общих тетрадях и разговаривали. Старая женщина спешила передать мне свой, почти вековой, жизненный опыт. Иногда мы спорили, когда высказанная Екатериной Ивановной мысль, казалась мне неправильной.

Екатерина Ивановна была сильной знахаркой с ведовским уклоном. В своей практике она с успехом пользовалась лечением биополями, гипнозом, который по старинному продолжала называть месмеризмом и наговорными травами. Свое искусство она переняла от бабушки и совершенствовала всю жизнь.

Чердак дома и особая кладовка были увешаны пучками трав и корешков, мешочками, источавшими терпкие запахи. Ядовитые снадобья из растений Екатерина Ивановна держала в маленьких стеклянных баночках с плотными пробками. Пользовалась она и минеральными компонентами для составления лекарств. Оказалось – сила сложного снадобья во многом зависит от времени и места сбора трав.

Со стороны наши разговоры выглядели, наверное, странно. Сидят за столом два человека и молча глядят в глаза друг другу. Все дело в том, что передача информации с помощью мыслесвязи оказалась более объемной, чем обычный разговор. Проще было передать сложный мыслеобраз с помощью подробной картинки, либо символ-схемы. Я научился регулировать силу посылаемой мысли и уже не глушил Екатерину Ивановну, как это произошло в первый раз.

Рассказывала она о многом и эти импровизированные лекции отзывались во мне самым странным образом. Они будили мою мысль, заставляли думать, расшатывали однобокие понятия, приучали рассматривать проблему сразу с нескольких точек зрения.

Опыт девяносто семилетней женщины и ее раздумья, которыми она делилась со мной, незаметно для меня изменяли строй моих мыслей. Например, ее лекция о подсознании, которую я постараюсь кратко изложить.

Наше подсознание – это таинственная бездна, скрывающая опыт бесчисленных поколений наших предков и уходит оно своими корнями на десятки миллионов лет назад к древним ящерам, выползшим из первобытного океана на голый берег… Глубокая пропасть, прикрытая сверху тонкой корочкой сознания. Мысленно представьте себе айсберг и соотношение его подводной и надводной частей – аналогия полная.

Самое главное – никто в современном мире не знает, что на самом деле творится в древних и темных его глубинах. Какие страсти кипят под крышкой сознания, какими болезнями прорываются, какие разыгрываются сражения.

То, что прорывается иногда на поверхность, люди называют озарением или интуицией. В области подсознательного находятся истоки нашей магической силы, которую мы называем даром. Дар – опасное свойство человеческого подсознания. Он неожиданно может выйти из-под контроля разума и буквально «сжечь» своего хозяина, его тело и разум, если тот окажется недостаточно стойким и не овладеет специальными психическими приемами воздействия.

Наша земная наука не имеет и, возможно, никогда не будет иметь приборов, способных высветить работу, совершаемую подсознанием. В то, что оно виновато во многих психических заболеваниях, уже давно никто не сомневается. Психиатры нашего времени с помощью опытов получают крупицы знаний о подсознании, но они получают их косвенным путем, а это капля в океане неизвестного.

Друиды и волхвы прошлого знали о подсознании значительно больше, чем современные ученые, но древние знания либо утеряны, либо отброшены потомками из-за необычности при-

меняемых на заре истории терминов. Не нужно сбрасывать со счетов многовековые гонения на людей, обладающих даром, со стороны священнослужителей официальных церквей и режим особой секретности, вынужденно применяемый этими людьми при общении с остальной массой населения планеты.

Церковь за две тысячи лет своего существования нанесла институтам древней тауматургии такой удар, после которого эта эмпирическая наука так и не смогла оправиться. Кто знает, сколько старинных рукописей уничтожили фанатичные последователи христианства!

В наше время колдовство выродилось во что-то не совсем серьезное. Факиры и фокусники, выступающие в цирках, концертные сеансы гипнотизеров, выступления чудо-счетчиков или телевизионные шоу для всей страны Кашпировского. Грозное и опасное искусство магии в наше время служит для разнообразия эстрадных программ. Отсюда падение престижа древней науки и огромное количество шарлатанов, которых некому разоблачать.

Славянские волхвы, кельтские друиды – где они? В какой бездне кануло знание, накопленное ими за многие тысячелетия? Неужели древние мудрецы были настолько беспечны, что позволили ему бесследно исчезнуть с лица Земли?

Екатерина Ивановна считала себя обычной знахаркой-травницей. С помощью Велесовой книги она смогла в молодости отточить и вылепить свой небольшой от природы дар. Всю жизнь она терпеливо собирала сохраняемые в народе знания трав и способы лечения. Она показала мне тетради, исписанные мелким подчерком с дореволюционной орфографией, в которых были записаны заговоры, молитвы, заклятья и, главное, многочисленные рецепты народных лечебных средств. Три общих тетради снятых в последние годы копий она, добрая душа, подарила мне.

Она рассказала мне о разнице между индивидуальным и общинным сознанием человека, о страшной власти многочисленных табу и суеверий. Древние колдуны отлично умели пользоваться людскими слабостями. Они сами способствовали возникновению нужных для них обычаев и суеверий, так обильно разбросанных в бытовых сказках разных народов.

Вера человека во что бы то ни было, сама по себе способна творить чудеса, облегчая колдунам работу. Достаточно вспомнить о вере в целительное прикосновение святого или лица королевской крови. Когда-то мне довелось прочитать о действии вуду – магической смерти в одном африканском племени. Племя приговорило человека к смерти. Собрались люди, привели приговоренного. Колдун племени сказал простенькое заклинание, потом подошел к приговоренному и сломал над его головой небольшую палочку. И все. Через несколько дней человек умер. Не было физического насилия. Просто тот человек был убежден, что после процедуры с палочкой, он должен умереть. И он умер.

Хороший пример работы подсознания, заставившего умереть совершенно здорового человека. Внушение или самовнушение может заставить человека выздороветь от неизлечимой болезни, активизировать защитные силы организма, почувствовать ожог, которого не было, может свести человека с ума, и многое другое.

Екатерина Ивановна продолжала втолковывать мне понятия добра и зла. Напоминала при каждом удобном случае – бывают белые колдуны и ведьмы, но бывают и черные, Юрий. Шабаш справляют только черные колдуны и ведьмы! Когда рождается младенец с даром, то дар у него – белый. Только потом он может стать черным. Все зависит от воспитания, а еще больше от характера и склонностей самого человека. Падение человеческой души всегда начинается с самого первого проступка. Потом будут укоры совести, стыд, раскаяние и… второй проступок, третий… И вот уже возник в мире черный дар. Дар, который стремится к злу.

Я спросил, что такое шабаш, и Екатерина Ивановна неохотно ответила, что шабаш – это мистерия, посвященная темному богу или антибогу. У Сатаны много имен. Люди избегали произносить это имя, находили замены: враг, козлоногий, козел, лукавый, дьявол, Люцифер и так далее.

Сатана Меркатриг до сих пор является воплощением самого плохого, что есть в человеческой душе, страшным врагом человеческого рода. Человек не способен выстоять перед вкрадчивым коварством черного бога. Слишком изощренный ум противостоит человеку, пробуждая в нем низменные инстинкты.

Екатерина Ивановна рассказывала о Сатане, а я думал, что Сатану, как и Бога, придумали люди, чтобы переложить ответственность со своих плеч на чужие, за совершаемые поступки. И Бог и Сатана мирно уживаются в душе большинства современных людей. Они настолько тесно переплелись в ней, что порой невозможно отличить – где в человеке добро, а где зло.

Людская фантазия наделила Сатану очень своеобразной внешностью: смуглая до темноты кожа, крючковатый нос, тонкогубый жесткий рот, острый подбородок с козлиной бородкой, маленькие рожки, почти скрытые шевелюрой, демонический разлет бровей и глаза с щелевидными зрачками. Когти вместо ногтей, вместо ступней – копыта и длинный хвост с кисточкой.

Воображение предков настойчиво вводило в облик Сатаны звериные черты, забывая о той истине, что самым жестоким хищником является сам человек. Порукой тому история безжалостного истребления многих видов живых существ говорящим видом животного, гордо называющего себя «Хомо сапиенс».

Добро и зло – это чисто человеческие понятия морального плана. Причем, понятия добра и зла медленно меняются со временем. Природа не вписывается в эти категории нравственности. Она существует по своим собственным законам целесообразности. Разберем самый простой пример: Кем является тигр, который подкараулил на водопое легкомысленную лань и ударом лапы сломал ей шею?.. Потом тигр потащил лань к своему логову, где его ждут голодные тигрята. Злое или доброе дело совершил тигр?

В человеческом обществе, в отличие от природы, общественные интересы вступают в конфликт с личными устремлениями индивидуума. Личный эгоизм всегда противостоит законам добра. Отсюда все наши беды. С каждым десятилетием человечество богатеет и получает больше информации об окружающем мире, но становится ли оно от этого лучше?

Два вечера и ночи я разбирался с подаренными Екатериной Ивановной тетрадями. В тетрадях были записаны подробные рецепты многих лекарств, составов, отваров и мазей. Были в тетрадях тексты старинных заговоров, присушек, заклинаний, молитв и проклятий. Это меня заинтересовало. Я садился за стол и терпеливо разбирал почерк со старой орфографией. Пытался выяснить механизм воздействия текстов на человека или животное. Екатерина Ивановна не могла помочь, потому что многие понятия воспринимала как аксиомы, не задумываясь о способе влияния.

Почему, например, действует заговор против злого глаза, что чувствует человек защищенный заговором? А не защищенный? Екатерина Ивановна не могла дать определенного ответа. Чувствовалось, что мои бесконечные «зачем» да «почему» начали раздражать старую женщину.

Приходилось самостоятельно искать ответы на вопросы. От тетрадей Екатерины Ивановны переключаться на купленные на базаре, расплодившиеся в последнее время, брошюрки частных издательств, в которых печатались популярные статьи о том, что еще недавно считалось запретной темой.

Дни бежали стремительно. С утра я помогал на даче матери. Таскал воду, поливал грядки, полол, занимался плотницкими работами. Пришлось полностью заменить подгнившие столбы в заборе, вкопать новые. Заодно со столбами заменить прожилины, купить штакетник и прибить на пустые места. Вместе с ребятишками собирать ягоды и помогать матери варить варенье. Незаметно прошел август и начал отсчитывать время сентябрь. Я был очень удивлен, когда

однажды обнаружил, что наш отпуск подходит к концу и скоро придется собирать вещи к отъезду.

Картошку мы с мамой выкопали за три дня. Я сразу затаривал мешки и увозил к нашей развалюхе-даче, засыпал ее в подпол. Картошка в этом году уродилась на удивление крупной.

Ребятишкам на поле было полное раздолье. Сначала они пытались помогать нам с бабушкой копать. Особенно старался Володя. Мать морщилась, но не решалась прервать трудовое рвение помощников. Я показывал сыну, как нужно правильно копать, но у Вовки хватало усердия только выдергивать из земли подкопанные мною кусты и отбрасывать ботву в сторону. Затем он расковыривал маленькую ямку и с искренним огорчением приговаривал, что опять попался куст без картошки.

Юля поначалу трудилась как положено и громко критиковала трудовую деятельность брата. С похвальным усердием она рыла копалкой большую яму и складывала клубни в маленькое ведерко. Потом она, подражая бабушке, подзывала меня и мы пересыпали картошку в мешок.

Скоро я стал замечать, что копать ей надоело. Мать понимающе подмигнула мне. Я воткнул в землю вилы, которыми подкапывал картофельные кусты, и пошел разводить костер из привезенных с дачи дров. Ребятишки тут же бросили копать и с писком понеслись вслед за мной помогать. С помощью помощничков мне кое-как удалось развести костер.

Дети мешали работать постоянно. То им хотелось пить, то они просили кушать, то Вовка бросил горсть земли и попал дочке в глаза. В такие моменты Юлька умела орать очень громко и пронзительно. Я начинал потихоньку злиться. Выход нашла умудренная жизнью бабушка.

– Дети! Вы знаете, зачем папа развел костер? – спросила она.

– Чтобы печь картошку! – вполне резонно ответил сын.

– Правильно. – согласилась с ним бабушка. – Но сначала костер должен долго гореть, чтобы в нем было много золы. В золу папа потом будет закапывать картошку, чтобы она не сгорела. Вот видите? – бабушка показала на маленькую кучку оставшихся поленьев. – Дров может не хватить. Сходили бы вы лучше в лес и принесли хворост.

До ближайшего леска было около трехсот метров. Дети сразу же ухватились за бабушкино предложение и с визгом понеслись по тропинке. Вернулись они минут через двадцать с маленькими охапками хвороста и тут же стали совать ветки в огонь. Подбрасывать топливо в костер обоим так понравилось, что дети совершили еще несколько походов за хворостом.

Пока они занимались топливом, мы с бабушкой могли спокойно работать… Обед у нас получился на славу. Его гвоздем была печеная картошка. Набегавшиеся, проголодавшиеся ребятишки уплетали ее с таким удовольствием, что скоро ребячьи рожицы были полностью перемазаны сажей. Зато глаза светились радостью. Картошка, копченая колбаса, свежие помидоры и огурцы, хлеб, лук, молоко в трехлитровой бутыли и чай в литровом термосе.

После еды дети разомлели и начали зевать. Я разложил передние сиденья в Ниве. Ребятишки закрыли дверцы, подняли стекла и быстро затихли.

Нам с бабушкой повезло. Именно в эти дни наши сантехники дали впервые за лето горячую воду. Вечером, после работы, мы загнали ребятишек в ванную комнату и они с удовольствием плескались в чистой воде, баловались с игрушками и пищали. Потом мы вымылись сами и только успели помыться, как теплая вода иссякла.

Отпуск подходил к концу. По утрам дети спрашивали меня, сколько дней осталось до нашего отлета. Юля завела листок с написанными на нем цифрами обратного счета и каждый день зачеркивала по одной цифре.

Билеты я купил на пятнадцатое сентября и этот день приближался. Укладывая вещи, мне пришлось выдержать настоящий поединок с бабушкой. Будь моя воля, я бы путешествовал налегке, с небольшим чемоданчиком. Никогда не мог понять женской натуры, стремящейся

обязательно нагрузить мужика огромным количеством вещей. Я орал и сопротивлялся, как мог, но мать была непреклонна.

В итоге мне достался огромный рюкзак, набитый детскими вещами, книгами и прочим скарбом. Еще стояли два больших чемодана, которые ни в коем случае нельзя было сдавать в багаж. Содержимым чемоданов были тройные полиэтиленовые пакеты с солеными грибами и пластиковые емкости с вареньем. Это не считая сумки с дорожными продуктами и теплой одеждой для ребятишек. Когда я попробовал поднять чемоданы, то взвыл еще громче, чем раньше.

– Слабак! – презрительно прокомментировала мое поведение мать. – С виду мужик, как мужик, а на деле самая настоящая размазня! Десяти килограммов поднять не в состоянии.

– Какие десять кило? – возмущался я. – Тут в чемоданах больше пятидесяти. Я не вьючный мул и не ишак! У меня на руках дети! А с рюкзаком больше восьмидесяти кило будет! Доплачивать придется!

– И доплатишь. Ничего с тобой не случиться. Не переломишься!..

Ранним утром четырнадцатого числа я в последний раз вывел из гаража свою Ниву и подогнал ее к дому. Всем семейством мы сели в нашу машину и поехали прощаться в Ной.

Обе симпатичные старушки прослезились, когда настало время уезжать. Всхлипывающая Екатерина Ивановна исчезла на минуту в избе и вернулась к машине со знакомым мне полотняным свертком.

– Бери, Юрий! – сказала она, протягивая драгоценный сверток с книгой. – Мне хватит моих тетрадок. А тебе молодому, в самый раз. Учись по книге и помни об осторожности.

– Спасибо, Екатерина Ивановна!

Я поклонился старой женщине до земли и бережно принял в руки волшебную книгу.

Мы вернулись в Уяр, когда до отхода электрички оставалось чуть больше двух часов. Я погрузил в машину вещи, проверил документы и авиабилеты. Все было на месте. Через пять минут мы уже были на железнодорожном вокзале.

Оставив мать в детьми и вещами на вокзале, я отогнал Ниву в гараж и закрыл замки. Потом пешком вернулся на станцию и отдал ключи от гаража матери.

Прощание было тяжелым. Лицо матери дергалось, по щекам катились слезы, ребятишки держали бабу за руки, обещали присылать в письмах рисунки и тоже шмыгали носами.

– Перестаньте, мама! Не на век расстаемся! – уговаривал я.

Думаю, в тот день матери приходилось икать каждый раз, когда я брался за ручки чемоданов и поминал женскую натуру. Поздно ночью я сдал в багаж свой рюкзак и через зал контроля, с притихшими ребятишками и чемоданами прошел в аэрофлотовский автобус. Потом, зажимая в зубах авиабилеты, поднялся в салон самолета по трапу. Усевшись в самолетное кресло, я облегченно вздохнул. Уставшие дети быстро уснули и проспали все два часа, пока ТУ-154 нес нас на север со скоростью девятьсот километров в час…

В Алыкеле аэрофлотовский автобус подвез нас к боковому выходу рядом с залом ожидания. Дул резкий, холодный ветер и было пасмурно. Тепло одетые ребятишки шли рядом со мной, держась за ручки чемоданов. Помогали нести.

Я первый увидел Светлану, стоявшую за решеткой ворот. Хватило одной секунды, чтобы понять, что она в этот момент испытывает. Дети ее еще не заметили, а она уже увидала ребятишек и на лице жены отразилась такая сложная гамма чувств, сила которых меня немного напугала. Представьте себе одновременно смеющуюся и плачущую женщину, у которой от долгого ожидания струной натянуты нервы и могут вот-вот сорваться.

Все это отражало лицо Светланы. Ее аура пылала ярко-зеленым светом и переливалась, как драгоценный камень. Красные сполохи беспокойства и страха быстро исчезали с нашим

приближением. Я поступил просто – легонько подтолкнул ребятишек вперед и показал им глазами на маму. Они сразу с писком понеслись к жене, широко раскинувшей руки.

Не буду описывать дальнейшее. Вся троица обо мне забыла напрочь и после продолжительных объятий и поцелуев, отправилась без меня в электричку. Ребятишки даже не оглянулись. Понимая, какие чувства переполняют Светлану и детей, я потихоньку двигался сзади, молчком тащил свои чемоданы.

В электричке было тепло. Дети продолжали виться вокруг мамы, льнули к ней, гладили. Но Светлана вспомнила обо мне и виновато улыбнулась. Быстро разложила на диванчике завернутую в бумагу колбасу и котлеты, достала бутылки с лимонадом и хлеб. Хотя я не был голоден, пришлось проглотить пару домашних котлет.

Вскоре мне пришлось выбраться из вагона на перрон вместе с чемоданами. Светлана не смогла бы тащить в одиночку такую тяжесть. Свой рюкзак из багажного отделения я получил только тогда, когда электричка ушла. Немного пошипев на свое невезение и помянув недобрым словом российское головотяпство, я стал искать попутку. Бешеных денег, которые запрашивали обнаглевшие частники, у меня не было.

До Дудинки я добрался на грузовике, с водителем, который взял с меня «божескую» цену, всего каких-то две сотни рублей.

Когда я вошел в двери своей квартиры, мои ребятишки выглядели очень счастливыми. Они по-прежнему льнули к маме и не обращали на меня внимания. Каково? А?

Почти три месяца я был для них ПАПОЙ с большой буквы и высшей, самой авторитетной, инстанцией. Ко мне они обращались со своими огорчениями и бедами, со своими маленькими радостями. Я ласкал обоих, поддерживал дисциплину, лечил ребячьи болячки, кормил, перед сном рассказывал самим придуманные сказки. В сказках действовали говорящие самолетики и кораблики, различные зверушки. Главными героями неизменно становились дети: девочка по имени Юля и мальчик Вова. В зависимости от поведения прототипов за прошедший день, сказочные дети у меня получались то хорошими и воспитанными ребятами, то плохими. соответственно этому с ними разговаривали и поступали остальные сказочные персонажи.

Когда я начинал рассказывать сказку о плохих и непослушных детях, моим ребятишкам это не нравилось. Они пищали, зажимали мне рот, затыкали себе уши пальчиками. Ну скажите, какая радость может быть от того, что сказочный дракон загнал непослушных сказочных Юлю и Вову в темную пещеру и не выпускал оттуда целый день? Особенно бурно реагировал на сказочные приключения Володя. Ревнуя к Юле, он установил строгую очередность – кому из них спать в эту ночь с папой и четко вел учет времени, разоблачая без всякой жалости старшую сестричку, когда та пыталась мухлевать.

Теперь Вовка хвостиком следовал за мамой, Юля – тоже.

– Та-ак, ребятишки! – обвинил я детей. – В Алыкеле за маму уцепились, а меня с чемоданами бросили! Тащи, папа, тяжеленные вещи один! А ведь помогать обещали. Нехорошо!

Вовка на мой упрек ничего не ответил, только дочь виновато потупила глаза.

– Мы очень соскучились по маме, папочка! – и она погладила меня по руке.

Летом Светлана не теряла зря времени. Она провела меня по комнатам с блестевшими свежей краской полами и заново покрашенными оконными рамами, косяками и дверьми. Мы, наконец-то, поцеловались. Глаза жены из-за стекол очков сияли знакомым светом. Она прижалась ко мне, положила руки на плечи, заглянула мне в глаза.

– Я так счастлива сейчас, Юра! – прошептала она. – Так счастлива! Наконец-то мы все вместе. Никогда больше не отпущу вас одних. Так плохо быть одной, так скучно без вас!..

Я спросил Светлану о новостях в экспедиции, но она ничего за последнее время не знала, так как ее сменная работа в порту Дудинки оставляла для отдыха мало времени.

Моя жена сама была виновата в том, что я оказался в отпуске без нее. Суматошный и нелепый своими неожиданностями полевой сезон прошедшей зимы, был неожиданно свернут

в начале апреля и полевым подразделениям пришлось срочно стаскивать имущество отрядов на базу партии. Енисейское геофизическое объединение не смогло обеспечить финансирование нашей экспедиции во втором квартале года. Из-за отсутствия средств нам пришлось прекратить работы.

Вспомните первую половину девяносто второго года, когда были отпущены цены. Сразу началось что-то невероятное. Цена на любые виды услуг и товары мигом подскочила в десятки раз. Например, цена одного летного часа вертолета МИ-8 с тысячи трехсот рублей подскочила до двадцати трех тысяч, а в начале июня составила уже сорок три тысячи.

Отпуск цен подкосил финансовые возможности бюджетных организаций. Таймырская геофизическая экспедиция принадлежала к их числу. Люди, не выдержав финансового гнета, начали уходить в другие организации. Оставшимся было четко обрисовано положение, в котором оказалась экспедиция. Было предложено брать отпуск без содержания и временно устраиваться работать в городские организации.

Кроме того, ожидалось большое сокращение. С наиболее ценными специалистами руководство экспедиции заключило договора, согласно которым работники этой категории получали право на повышение окладов. Моя жена не принадлежала к числу незаменимых работников и потому ее оклад остался на смехотворно низком уровне.

Когда я прилетел с базы партии в Дудинку, Светлана после сдержанной жалобы на обстоятельства, вдруг попросила деньги на покупку пианино. Я был в шоке. По конторе экспедиции ползли самые различные слухи о ее дальнейшей судьбе. Не последним среди них был слух, что вот-вот наша экспедиция будет расформирована. Я уперся.

– Не дам тратить последние деньги на рояль, который теперь стоит больше двадцати тысяч! Подумала бы о том, что мы будем делать, если экспедицию разгонят? На что жить?

– Тогда я сама эти деньги заработаю! – упрямо ответила Светлана. – Уже взяла на четыре с половиной месяца отпуск без содержания. Устраиваюсь в порт приемосдатчицей.

Представляете мое положение? Жена вдруг решила сделать из дочки музыкантшу, отдать Юлю в музыкальную школу, и теперь, с обычным для нее упрямством, проводила свое решение в жизнь. Напрасно я протестовал. Светлану ничто не могло свернуть с выбранного пути.

Родом моя жена была с Украины, из Волынской области. Село, в котором жили ее родители, было расположено всего в сорока километрах от границы с Польшей. Маленькая, очень спокойная на вид, особенно когда надевает очки, делающие ее лицо каким-то очень кротким и беззащитным, в действительности она таковой не является.

Мягкая и обязательная перед другими, Светлана могла проявить неожиданное упрямство и решительность, так не вяжущиеся с ее внешним видом. Помните русскую пословицу «В тихом омуте черти водятся»!? Так вот – это сказано о моей супруге. Если Светка что-либо вбила себе в голову, переубедить ее – безнадежное дело.

Светлана быстро прошла медкомиссию и начала работать в порту. Я тоже кое-что предпринял – узнал адрес парня, который продавал пианино за божескую цену в пять тысяч рублей. Собрал ребят и притащил пианино к себе в квартиру, на второй этаж.

Покупка пианино не изменила ситуацию. Светлана так и осталась работать в порту, несмотря на мои протесты. Работала она теперь посменно по двенадцать часов, сначала через сутки отдыха, а потом двенадцать часов через двенадцать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.